

УТРО ВЕЧЕРА

ЯНГА АКУЛОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Янга Акулова

Утро вечера

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Акулова Я.

Утро вечера / Я. Акулова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Первая Love Story советских школьниц и группы The Beatles. Что делает жизнь обыкновенных людей необыкновенной? Как посреди сибирских снегов обрести «Земляничные поляны» – forever? Девочка-подросток наперекор взрослым совершает побег из старой школы, которая давит, в новую, одну такую на весь город, где дышится свободнее. Попасть в «десятку» – как приз, возможность скачка из элемента коллектива в творца собственной жизни. И всё что надо было: услышать новую музыку. The Beatles – больше чем музыка. Для четырёх подруг она смысл, служение, любовь-религия. То, ради чего стоит просыпаться по утрам и быть с чудесами на «ты»: встречаться с кумирами, петь вместе с ними. «Вначале было Слово, и Слово было у Битлз, и Слово было LOVE». Под этим знаменем поющий квартет девчонок покоряет школьные и городские конкурсы, и даже местное ТВ – выступление, ставшее роковым. Невидимый занавес между ними и остальным миром в 60-е оставался ещё слишком железным. Содержит нецензурную брань.

© Акулова Я., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть I	5
Гони звёзды!	5
Паралич истории	9
Лицо порока	17
Как звали Гамлета	20
Попасть в «десятку»	25
Крушение чёрного фартука	28
Позор принца	38
Самая красивая девочка самой средней школы	42
Пихта как религия	46
Прогулки по ленте Мёбиуса	48
Wanted! Забесплатно	50
Ум, честь и совесть. Их игры	52
Рукоделие вопреки	54
Подпольная англомания	56
Легко – если знаешь и любишь	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Часть I

Гони звёзды!

Не надо бояться. Шаг – и вы здесь, в 60-х. Они обрушились откуда-то стихией, каких ещё не было. Вихри закручивали, втягивали в неизвестное, может, опасное – легко, будто его ждали. Добровольное схождение, сбегание, нет, слетание с ума: не поодиночке, а целыми городами, странами. Милиционеры, врачи, начальники в галстуках пытались не дать, вернуть всё, как было... Ничто не могло остановить безумия. Нырнуть в него с головой – как смерть и начало. Как конец маленьких, послушных вроде-бы-жизней с одним и тем же расписанием. Вместо него каждый день – переливающийся воздушный шар, наполненный тугим воздухом, чтобы парить НАД. Какие вопросы?

Именно он, воздух. Он стал другим ещё на подходе к незнакомой пока школе, полной слухов, почти небылиц. От мороза ставший плотнее, этот новый воздух скатывался в лёгкие, как с горки, чуть охлаждал, и хотелось напиться его побольше – для храбрости.

Ведь вот уже и дверь. И она тоже другая. Не топорный прямоугольник чего-то фанерного, а широкая двустворчатая дверь из настоящего дерева цвета горького шоколада, с резным обрамлением. Открыть её. Голова кругом!

Девочка: на вид двенадцать, в реале четырнадцать, пришла сюда сама, ни у кого не спросив. Связанная мамой шапка с помпоном, пуленепробиваемое пальто на ватине с воротником цигейка, пуховые рукавицы – пальцы всё равно не гнутся, заоченели. Морозище, как любой декабрьский: для глубокой заморозки щёк, носов, всего, что не смогло спрятаться. «Дверь, впусти-и». Выстрел! Так резко та вдруг распахнулась. Прямо в лоб! Хорошо, шапка из толстых ниток, да ещё двойная, чтоб не продувало.

Со смехом, совсем летним, двое выпали наружу как один – мальчишка и девчонка. Ни лютой стужи, ни того, что чуть не зашибли эту с помпоном, и не думали замечать. Выскочили на простор, катя свой смех, будто ком для снежной бабы. Сугробы им не сугробы, а пуховая перина, чтобы валить в неё друг друга – кто кого переборет. Смех так и звенит, отскакивая от ледяного воздуха, как от стекла.

«Наверно, дружат, – девочка успела придержать массивную дверь, чтобы проскользнуть внутрь. – Наверно, у них здесь все так...»

Темноватый тамбур, дальше, стоило распахнуть ещё одну дверь – слёзы из глаз, такой ослепительный свет, и сразу теплынь: из Аляски в Индию. И столько всего пестрит и звучит. Гвалт, беготня, музыка... Гулким эхом песня незнакомая из большого репродуктора, не на русском. Просторное фойе с высоким потолком, двумя колоннами посередине, увитыми мишурой, и повсюду гирлянды, шары, что-то блестит то там, то сям. «Ёлочный дождь, чья-то одежда?» – никакого страха в помине, одно жадное любопытство.

Всё это напоминало... храм. Высотой, блеском, желанием повыше задирать голову и окунаться в этот блеск. Она и задрала. Шапку поймала на лету. «Пришелец, никому не понятный с этим помпоном». Мимо носились её сверстники и помладше – счастливые! Ни одной девчонки в форме. Ни фартуков, ни коричневых этих платьев инкубаторских – сразу было видно и без очков. Да и мальчишки – кто в свитерах, кто в пиджаках, как у взрослых.

«И это – школа?! Да это новое приключенческое кино, которое, умри, надо досмотреть до конца». Руки всё в двойных рукавицах, но пальцы потихоньку возвращаются к жизни, подрагивая от острого покалывания. В предвкушении...

– Наконец-то! Гони звёзды! Now!

Два сказочных существа – они блестяли! – метнулись от колонны к девочке. Балерины? Феи? Платья в блёстках и рюшах, волны широких юбок – море перед штормом; накрашенные ярким губы, глаза; руки с ногтями цвета крови тянутся выхватить своё...

– Я?!

Как же свет бьёт в глаза, не иначе, порождает оптический обман. На головах у фей ещё и прозрачные крылышки на ободках из разноцветных камней.

– Нет, Мэрилин Монро мы ждём с посылкой! Ну, давай, давай, Настя, нам репетировать надо, – перекивая музыку, кричала фея или эльф, та, что справа.

Девочка глянула по сторонам – рядом никого.

– Я – Аня. Какие звёзды?!

– Какая Аня?! Ты что, не Зойкина сестра?

– Н-нет.

«Очки бесполезно. Запотеют только». Вытащила лишь руки из рукавиц, правая почему-то замёрзла больше левой, пальцы к губам: «Пф, пфу-у...»

– Завал! А где Настя?! – левая фея сердито.

Сказочные, оперев руки в бока, подступили к девочке с двух флангов совсем близко – не сбежать.

– Да я же...

По лицу весеннее таянье, слёзы мешают, рукой без рукавицы смахнула их кое-как. «Ну всё, инкогниту привет». Она, Аня, сбежала сегодня с уроков в эту чужую школу, потому что ей надо... из-за иностранного.

– Так тебе к завучу, к Марине Марковне. Бегом, пока большая перемена. Может, уже и поздно, школа ведь не резиновая. На второй этаж, только разденься.

«Бегом? Не оттаяв? И... эти платья! Переливаются, как...»

– А вы, вы... эльфы?

Дружный смех. И желание покрасоваться.

– Ты не Настя, а мы не эльфы. Хотя можем такое отмочить... – они хихикнули. – Отчудить! Похлеще всяких сказочек, – девушки хитровато переглянулись. – Как примем на грудь, – и засмеялись совсем уж не по-сказочному, да просто заржали, как две кобылицы, скинувшие поводья.

«Что?! Кого на грудь? Зачем?» А те гоготали так, что с ободков на головах посыпались камни. Какие-то застревали в рюшах, и они... что-то там в них копошилось. Очки бы... Что же это? Нет! Отпрянула назад.

У каждой на груди извивалось по живой змее – не длинной, но довольно упитанной, мерзкого жабьего цвета. Псевдофеи схватили руками каждая свою, привычно, будто кошку, и давай ими драться-дурачиться: размахивать, боксировать, подбрасывать. Гоготали, вскрикивали, будто бы от испуга. Песни из репродуктора уже не было слышно, только их. И, вместо крылышек, на головах у девушек появились небольшие рожки, обклеенные чёрной бархатной бумагой.

Девочка зажмурилась, ещё и ладони прижала к глазам.

– Мы не просто зло. Мы двойное зло! После уроков. Страшное послеурочное зло!

...Но вроде стихло.

– Ты что, уснула? Мы ей рассказываем, рассказываем. Да наша школа – самая клёвая, мы её любим сильно-пресильно, знаешь как? – два эльфа с крылышками на головах раскрыли друг другу объятия и звучно расцеловались.

«Всё же очки надо носить...» Гостья, открыв глаза, протянула руку, недоверчиво тронув полупрозрачную ткань на юбке одной из девушек. Она была гладкой, чуть прохладной, вполне настоящей.

– Готовимся к Новому году. Вечера у нас, вообще, superb! – держа юбки за края и волнуя их, будто в танце.

– Да, все говорят...

– Приходи.

– Ой! Правда, можно?

– У нас с седьмого класса всё можно, – снова переглянулись и подмигнули друг дружке.

– А давайте, я нарисую звёзды! Я умею, я в стенгазетах...

– Да нет, они уже есть – у Зойки.

Прозвенел оглушительный звонок где-то совсем рядом, в самое ухо. И он тоже был... не такой. Праздничный, фанфарный, несущий сверхдобрую весть: «Ура! Новый урок. Новая жизнь!»

Эльфов будто и не было. Звонком сдуло.

«Хорошо им говорить: "Разденься!". Да в этой своей форме, в дурацком чёрном фартуке я буду здесь хуже белой вороны в чёрном фартуке. Это же специально старались, придумывали девочек одеть так, будто они не девочки, а личинки коллектива, тьфу! – элементы, то есть. Чтобы ни намёка на грудь, если вдруг ей вздумается расти, на талию, хоть на какой-нибудь изгиб».

И гардеробщица здесь человек как человек, без жутковатого халата, в жакете и юбке в крупную клетку по моде. «Ой, сменка!..» А она: «Можно и без неё, снег ведь чистый в такой мороз». Ей и вопросов задавать не надо, сама всё растолковала: куда идти, как найти кабинет завуча. Немало тут околачивается желающих попасть в эту школу. И берут сюда самых-самых... Избранных.

Марина Марковна как раз оказалась в своём кабинете, а не на уроке. И сразила окончательно: своей непохожестью на всех известных до сего завучей. Во всём не понуром, не учительском: в самую стужу платье и туфли одинакового, редкого по теплоте, цвета – персика со сливками. От этого и лицо казалось полным тепла и сплошного блага: благожелательности, благородства, как в кино про графов и графинь. И осанка, будто с прежних картин.

Одна картина, кстати, висела у неё за спиной, в центре стены. Не Владимир и не Карл на их законном месте! Человеческая фигурка там всё же была, но совсем небольшая – маленькой светловолосой девочки, выходящей на крыльцо из дома – как в море. Море цветов большого пышного сада.

Подойдя к своему столу, завуч указала Ане на кресло тёмного дерева. Да, уж лучше той было присесть. И не забыть закрыть рот. Так действовала необычность всего увиденного.

– Какая самостоятельная. Одна, без родителей? – с явным одобрением спросила Марина Марковна.

Речь звучала мягко, бархатисто, улыбка добавляла удовольствия слышать её голос. Даже не черты лица, а именно эта улыбка: по щедрости предназначенная миру и тебе в этом мире, делала её схожей с бесподобной душечкой Мэрилин. Губы цвета персика двигались энергично, как видно, по профессиональной привычке работать над произношением.

– Они на работе, – ответствовала ученица еле слышно, переведя взгляд с чудесной картины на очень светлые, легко уложенные локоны живой леди. Возможно, она была мамой нарисованной девочки и задержалась в прихожей, надевая шляпку, когда дочь уже вышла на крыльцо.

– Ясно, – сказала завуч, усаживаясь на своё место, держа спину по-балетному прямой.

– Ну что же, набор на следующий учебный год ещё идёт, но желающих очень много, – с ударением на «очень». – Наша школа – всего одна, и у нас конкурс. С английским у вас как? – неожиданно строго спросила она.

– Хорошо. И... это мой любимый предмет, – волна беспокойства и неуверенности, накрывшая ученицу, когда та ещё только готовилась постучать в кабинет завуча, чего в жизни не делала, вдруг улеглась с этими словами.

– Прекрасно, нужны только документы от вас. Пусть родители подпишут заявление – вот. В следующий раз принесите с ним табель, медсправку...

«... и звёзды?»

– Пройдёте собеседование, и всё.

«И всё. Всё просто!» Аня вышла из кабинета ошеломлённая, не зная, куда идти дальше. Как девочка, шагнувшая за порог дома в редкий по красоте сад, одна, без мамы. Внутри запрыгало что-то ликующее, что-то из Штрауса.

«Голос у Марины Марковны такой мелодичный, под него хочется танцевать, и лицо – всё время улыбается. Хочу учиться в этой школе!»

Окинув взглядом пустой светлый коридор с высоким потолком и большими окнами, Аня встала по центру, вытянулась в струну, как нарисованная, раскинув в стороны руки крыльями, сделала плавную ласточку и закрутилась в пируэте. В зимних сапогах на толстом меху он был коротким, но голова всё равно слегка закружилась.

«А что такое "собеседование"?»

Перемена давно закончилась, в коридорах тишина. И внутри – тоже. Тихо. Первое волнение улеглось, вроде покой. Но странный. Как сжатая пружина. Как перед прыжком через что-то огромное, чего она не знала. Но страшно хотелось разбежаться и перепрыгнуть!

Вместо этого ступала благоговейно, будто по музейному паркету или по только что народившемуся льду, в своих глупеньких ярко-красных сапожках с чуть загнутыми носками. Вчера ещё они были в общем-то ничего, а сейчас горели на ногах стрёмно-детсадовскими.

Тут совсем-совсем всё не так. Тут всё как шоколад, такое... желанное. Все двери в классы, как и входная, двустворчатые, с массивными ручками, тёмного цвета – из английских романов. Не были они нарублены из одной доски или фанеры, как в «той» школе. Сделаны руками мастера с любовью, в верхней части украшены таинственным узорчатым стеклом. Металлические таблички с изящной гравировкой: «Physics», «Chemistry», «Biology»...

В приоткрытую дверь в одном из кабинетов видны столы – не парты! Паркет на полу и перила на лестнице – всё одного и того же тёмного цвета. Почему, почему они такие, не как везде? «Как наши часы дома». Откуда-то из благородного прошлого – в городе, которому немногим больше полувека, и где все дома сошли с одного конвейера? Лестница просторная, «под Золушку» в пышном платье, и перила на кованых опорах – широкие, полированного дерева, с плавным углублением посередине. Сесть и съехать! Наверняка здешние счастливики так и делают всю дорогу. Они-то их и отполировали.

Такая лёгкая и простая радость: садишься на перила никакой, обычный, съезжаешь, и в конце – у-ух! – спрыгиваешь счастливый.

«Нигде больше такого нет. Как же я хочу учиться в этой школе!»

Паралич истории

...И как же не хотелось назад. Мороз скатился по наклонной до стадии серийного убийцы. Идти обычным шагом было смерти подобно: схватит и не отпустит. Крикнуть не успеешь. Да на улицах уже никого и нет. Всех похватал. От него надо было бежать. Хоть никогда старая школа не была тем местом, куда Аня бежала со всех ног. Никогда.

«Пойду через урок. Физру пропущу, подумаешь. Портфель Танька с собой заберёт после перемены. Куда торопиться? Царство тоски и скуки. А у них с седьмого класса можно на вечер! Вообще-то, я восьмой скоро заканчиваю. Хорошо, эти недоэльфы не заметили мои рукавицы на верёвочке. И эти девушки, артистки просто, всего-то, может, на год старше меня».

Здание школы, которую уже вовсе расхотелось считать «своей», насквозь типовое, в её отсутствие, по всему, сдохло окончательно. И заросло мхом по самую крышу. Ещё полгода провести здесь? Давным-давно уже, не сегодня, засело тупой занозой, хоть криком кричи: здесь всё давит! Выросла она из неё, из этой школы, что ли? Не из стен, а... Ну, неинтересно в ней было. Муторно.

А в школу ходят, что, развлекаться? – первым делом встанет на дыбы, конечно же, классная, историчка. Потому что она-то как раз и есть источник валящей с ног скуки. До икоты. До судорог. До умопомрачения. Голос на одной ноте, без интонаций, без цвета, то и дело зависающий на полуслове – парализующий газ. Нить повествования – пульс умирающего. Отличник просвещения оттягивает её конец шаманским: «Тише, тише, ребятки...» – бормотанием таким, не поднимая век, будто под кайфом от своего же вещания.

Да поднимите же кто-нибудь ей веки! В классе все уже комсомольцы, эх, да не добровольцы. Когда-то были те, кому море по колено: то журнал спрячут, то доску мылом натрут. Так теперь нет таких – комсомол под руководством сказал: класс заслуженного деятеля для вас слишком хорош. Пошли вон! И всё.

Выжившие пацаны – кучка ветоши невозникабельной. Как не пацаны совсем. Пустое место.

Страшнее скуки смерти нет. «Тише, тише, ребятки» накрывает с головой. На поле боя, где от обеих армий в живых не осталось ни души, не было так тихо, как на уроке истории. Ребятки в полуобмороке не способны ни болтать, ни играть в крестики-нолики, ничего.

А учителю не очень-то и нужны слушатели, ему и так хорошо. Подбородок в потолок, голова в плечи, глаз не видать. Чревовещатель? Ни бровей, ни ресниц, волосы – безжизненная пакля со следами «химии». Возраст? Никакой, замороженный от ноля до ста. Она просто сразу была такой. Принесли её домой, распаковали – а она такая.

Ноги прямые на ширине плеч, руки согнуты в локтях, в одной из них, по виду мужской, зажата указка, продолжение руки. Да и вся она, если это «она», прямоугольная и негнущаяся, будто сто лет назад проглотила «Манифест партии». Без запивки.

И плечи... у неё был секрет, как добиться такой их конструкции – разворотом внутрь, точно по Маяковскому: «...вместо известных симметричных мест, где у женщин выпуклость, у этих выем». Жердь.

Как раз на историю и тащиться теперь. Звонок! По лестнице через две ступеньки на четвёртый этаж, уже наверху – бац! В столб. То есть в жердь. Она даже не покачнулась – сверхтвёрдый неизвестный материал.

– У! Как покраснелась-то! Откуда это ты, интересно знать? – ласково-надзирательно.

«Попалась!»

– Я... снизу, – запыхавшись, но не притормаживая и не дыша жгучим морозом в сторону «жерди», мимо-мимо, прямиком в класс.

Показалось, или в самом деле – головы одноклассников синхронно повернулись к ней.

– Ты отку-уда? – округлив и без того круглые глаза на круглом лице, спросила соседка по парте Танька Костюченко.

«Вот заладили, откуда, откуда. От вриблюда! Всем буду врать. Никому ничего не скажу».

Вползла за парту, всё ещё немного задыхаясь от лестничного галопа, и вдруг по рукам и ногам резко: нет сил. Враз покинули. Даже просто сидеть за партой стало невыносимо. Захотелось прилечь. «Всё из-за этой... Раскраснелась! Не положено ученице 8-го класса покрываться румянцем в учебное время. Неблагопристойно. Всем быть, как искусственная она – зимой и летом цвета списанного манекена».

Спортивная ходьба нон-стоп: из конца в конец класса – вдоль рядов парт. Указка, замерев на минуту в неподвижности, оголодавшим грифом целится прямо в лоб.

– Манина, к доске.

К стене. То бишь, «к стенке». Ни учебника достать, ни очки оттаять... Расплата за румянец. «История без дат – это хаос», – учит училка. Ну, все нормальные люди преспокойно выходили писать эти самые даты, даже с тайным от отличника просвещения удовольствием. Чё бы их не написать, если они заранее на собственной ладошке вытатуированы новейшей шариковой ручкой.

– У меня же нету... – только и просипела, охрипнув, Аня Таньке.

Ноги еле шли – на Голгофу. Нашарила в желобке доски кусок мела, как будто он мог помочь. Щёки и впрямь полыхали так, что батареи отопления казались перебором. Голова гудела, что раскалённый котёл, а по телу озноб. И горло... с горлом беда.

Таня Костюченко успела наваять здоровенные цифры на выданных из тетради листках. Только один выставила, но незрячая тут же засекала. Выхватила листок свободной от указки рукой и давай махать им перед Танькиным носом, как красной тряпкой перед мордой быка.

– Может быть, ты и пойдёшь к доске? Раз так хорошо знаешь. Ну, иди!

Грузная Таня без всякого рвения привстала, кое-как вытаскивая своё тело из-за парты – та была ей маловата, и процесс этот можно было растягивать, насколько хватит мастерства. Ещё и зацепилась карманом фартука за что-то там, чуть не своротив парту – под довольный гогот класса. И тоже покраснела.

Две красные ученицы ни в зуб, рядом с землисто-пергаментной учительницей, крепко сжимающей указку. Аня чувствовала что-то уж совсем... настоящую погильель: ноги не держали, голова тяжелее всего остального, нарастающий гул – то ли в ней, то ли снаружи. Этот нестройный шум, неотвратимый, пугающий, она узнала, но сделать уже ничего не могла. Ухватиться... не за что, предметы, лица – уплывали.

– История без дат...

– Это хаос, – еле слышно прошептала Аня, падая в обморок. Кусок мела выпал из рук. Сильная Таня чудом успела подхватить её на лету.

Классная стояла, отвернувшись от них, лицом к классу.

– Полюбуйтесь на этих подружек. Не знают даже правильного ударения. Двойки за такое мало, за такое надо...

– Скорую надо! У неё температура сорок! – заорала тут Танька.

Костючка была единственной из всех, с кем они сдружились, когда Аня пришла к ним в пятый класс. Таня первая подкатила к новенькой: «Ты где живёшь? Во! Рядом со мной», тут же потащила в гости.

Жили они в страшной тесноте – вся квартирка с одну кухню у Ани дома, и народу в этой квартирке набито человек десять, как показалось. Хотя у Тани всего один брат. Так что потом, наоборот, Таня стала приходить в гости к Ане.

Вроде бы и интересов у них общих – почти никаких, но с ней, с Танькой, всё так просто и понятно. Потому что и по своей натуре она простая, без премудростей, всегда в хоро-

шем настроении, вытащит из кармана чё-нибудь вкусненькое, угощает, чёрные глаза блестят задорно, улыбается нежадно – крупные белые зубы показать не стыдно. И сама вся крупная – в фартуке и за партой плохо помещается. Из-за своих габаритов тянет на все шестнадцать, солиднее подружки.

«Казачка» – назвала её про себя Аня. Семья её была откуда-то с юга, и выговор у неё был интересный. И эта её, в чём-то крестьянская дородность, она же, считай, надёжность. Ну, не прямо «коня на скаку» (где его взять, коня-то?), но от какой-нибудь злой козы или козла Таня вполне могла отбить. Голос громкий, если надо, может и резануть: «Ты идиот, что ли?» Куда там Ане – та только жалела, что так не умела. Ну вот зачем это: думать начинать – вдруг обидишь того, кого ты обзовёшь, или он тебя в ответ обзовёт похлеще. Страх грубости. Да просто трусость.

С другими девчонками не очень-то... Быстро отваливались из новых подруг те, что попадали в свиту к классной.

Необъяснимо, но «жердь» умудрилась взрастить себе с пяток преданных прилипал. Или они сами прилепились, добровольно. С какого перепугу? Ведь не из простой же человеческой симпатии. А вдруг из-за неё?!

Происходило даже некоторое соревнование среди девчонок за право попасть в «Клуб любителей исторички». Члены (или членки?) составляли верхушку общества 8 «В» класса – все звеньевые, староста, комсорг, казначей-сборщик комсомольского оброка были в их числе. Ум, Честь и Совесть. Они любили на переменах обступать своего кумира тесным кольцом, ходили за классной гурьбой, колыхаясь на ходу – вроде кринолина на её немыслимом отсутствии фигуры. Делали это так горделиво, будто для них здесь и туалет другой, благоухающий фиалками, а не тот, для всех, в который без прищепки на носу лучше не соваться.

Самым приближённым довелось побывать у исторички в гостях. Такая фантастика: у неё был дом. Как у всех! «У неё двое детей», – вы смеётесь, что ли? Сама староста как-то выдала, никакого смеха. По ней так и один ребёнок – из области сверхъестественного. Ясно, только нестандартным образом он мог получиться. Второй такой случай?!»

Они с Костючкой, понятно, не принадлежали к классной элите. На комсомольских собраниях превращались в слепоглухонемых невидимок. Особо их и не трогали – для пользы собраний. Бывали, правда, и рискованные моменты. Попробуй, удержишься от смеха, когда такая же, как они, девчонка, с порозовевшим лицом (от стыда? или от удовольствия?!) сообщает, к примеру, такое: «Основная задача комсомола – воспитывать. Чтобы все каждый день повышали свой моральный уровень, а особенно идейно-политический, и стремились примерно... к Павлику Морозову».

«Это точно, не для таких леноватых, как мы. Нам было лень стараться понять про что-то далёкое... от балета. Ну какие из нас Павлики?»

«Подружки». Да вот, подружки. На следующий день только Танька и пришла навестить больную, сразу после уроков.

Мороз ничуть не уменьшился, судя по её рдеющим щекам и носу.

– Ты, правда, заразная? Мама твоя не пускала. Ладно, говорит, раз уж ты там это... про скорую... Ну и что, что не было сорока, зато на улице сорок! Как бы ты шла домой-то по такому морозу?

– Никак.

– Тяжеленная, страх, вроде бы тоща дивчинка, а еле удержала. И куда ты бегала в такую морозяку? А? Говори лучше!

«Вот ведь... Да после свидания с новой школой – будто летела, а не шла. Пьянила собственная дерзость. Взять, смотаться во время уроков. Какой там укутаться получше! Цигейка не спасала, ветер – насквозь. «Вечно у тебя шея голая». А лететь-то – побольше километра от школы до школы».

– Говорить трудно. Лакунарная ангина, – сдавленно произнесла Аня, тронув пуховый платок на шее.

– Чё за кулинарная?

От «шо» не то что бы Аня отучила подругу, она сама постепенно отвыкла и перешла на нормальное сибирское «чё».

– Не знаю. Такой ещё не было.

– Я уколы могу делать.

– О-о! Молчи лучше. Или уколы, или я, – Аня занырнула под одеяло по самые глаза.

– Боишься? Чё там бояться-то? У меня рука лёгкая! На подушке училась, все так делают, потом бабушке ставила, потом...

– Подушка жива? А бабушка?

– Да ну тебя! Живее всех живых.

– Ага, вот оно! Оказывается, не дедушка Ленин, а бабушка! – вынырнула из-под одеяла Аня.

– У-ух, Анечкина! Не была бы ты хвора... Да моя бабушка, знаешь, какая хорошая!

– Так. А Ленин у нас что, уже плохой? Хотя да, моя мама говорит – гадина он, отец террора.

– Что? Ты что, совсем?!

– Ладно, ладно, не слушай. Только вот, как вспомню, как мы на груди носили звёздочки эти, с кудрявой головой...

Аня замолчала. «Может, из-за них и не растёт теперь ничего?», тронула рукой грудь – одни рёбра. Потом лоб. Потёрла его – стереть глупые мысли?

– На вот, подкрепись, – подруга полезла в свой портфель. – Пирог с капустой.

– Какой пирог! Не могу я!

– Ну, потом съешь. Или, давай, я, раз ты не хочешь.

Танька привалилась спиной к шкафу всей своей немаленькой массой и с аппетитом набросилась на пирожок.

Анина кровать под прямым углом примыкала к задней стенке просторного книжного шкафа, который перегораживал комнату на две части.

«Зашкафье» по другую сторону было чем-то вроде гостиной: орудие пыток – пианино было там; раскладной диван, на котором спала бабушка, когда приезжала, или иногда папа, или сидела мама, чтобы послушать свой любимый «Сентиментальный вальс» в Анином исполнении. Ею же любимые настенные часы, чужаки родом из века «Ваших благородий», каминов и балов. Футляр их – кружево тёмного дерева с короной наверху из бутонов роз и листьев лавра. У окна швейная машина, она же тумба для новейшего приёмника «Харьков» с проигрывателем. Телевизор в семье тоже имелся, в комнате у родителей.

Отдельная двухкомнатная квартира! Самая шикарная из всех, что когда-либо была у семьи.

Могучий книжный шкаф выгораживал Ане небольшую, но вполне свою каморку, в которой всегда можно было укрыться. Письменный стол, левой стороной к окну, по науке, книжные полки на стене; позади стола, у другой стены, кровать – над ней, вместо ковра, небольшое панно, вышитое бабушкой ещё в её молодости: на холщовой тряпице, в рамке из ткани же, когда-то красного цвета.

Зима, едет на тройке с бубенцами «возлюбленная пара» из романса. Рука кавалера лежит на плече барышни, обнимает, и сам он весь тесно притулился к зазнобе. Самым трудным, наверно, было «выписать» нитками черты лица зазнобы, а ещё труднее – его выражение. Оно получилось не в тему – слегка ошарашенным с оттенком сожаления. Ей было непонятно вообще ничего – что она забыла в этих санях, и кто это её облапал как свою. От этого драматический, по задумке, сюжет скатывался в водевильный, что и веселило.

Рядом с панно красовалась карта острова Мартиника. Куплена в «Букинисте», ни с того ни с сего, вместо нужной книжки – околдовала. Ажурная покоричневевшая копия со старинной гравюры времён пиратов. Кроме неё, несколько открыток, прикреплённых булавками к ватману.

Шедевры мировой живописи на невеликих картонках – наваждение папы. Заменяли книги по искусству, которых было не достать. Скопился их длинный-предлинный картотечный ящик. Забираться в этот деревянный саркофажек было чем-то вроде путешествия. Кучка «Италия», завёрнутая в бумажку и подписанная, кучка «Англия», «Голландия», «Испания»...

Из всех любимцев более других пленял портрет герцогини Де Бофор кисти Гейнсборо. Личико, улыбка – такие наивные, весенние, их свежесть не мог испортить даже немислимый парик.

Другая чаровница, тоже француженка и тоже с высокой причёской, была вырезана из журнала про кино – куколка Брижит Бардо.

У девушек был сосед – принц. Он, правда, в упор не видел ни ту, ни другую красавицу. Погружённый в свои неразрешимые философские вопросы, принц датский сидел, слегка откинувшись назад, спиной к безжизненной скале. Правая рука в кружевном манжете на колене согнутой ноги, будто бы расслабленно. Но от угрюмых камней, чёрного камзола, застывшего лица веяло трагедией.

В головах кровати тумбочка, погребённая под книжками, в ногах – табурет, на котором сидит подруга, прислонившись... Не знала она, к чему так бездумно приложилась всем туловищем. Не к материку даже, а к тому, что не имеет границ и вмещает в себя миллионы мгновений разных судеб, коварство и преклонение, отчаяние и надежду, шёпот и крик никогда не существовавших живых людей. Да, жизнь их протекает в виде значков, написанных на бумаге. И многие из них живут уже сотни, а то и тысячи лет, и будут жить дольше нас всех.

Чем руководствовались родители, что именно этот шкаф под боком у дочери забили французскими и английскими романами? Да ничем. Не предполагали просто, что маленькой девочке взбредёт в голову ворочать тома из 12- или 18-томных сочинений.

Бесконечные часы уединения – все на работе. А книжный шкаф всегда дома. Вот зачем учат детей читать? В четвёртом классе уже были перепробованы на зуб разные французские лакомства, тогда же определился и фаворит – мсье Ги де Мопассан, силь-ву-пле. И не потому, что в его 12-ти томах были ещё и картинки, а потому что...

Какое странное имя – Ги. Не бывает таких имён. Сам-то он абсолютно нереален, но вот то, что осталось в томах под этим коротким именем – было не просто реально, оно оставляло след... Может, лучше бы не оставляло?

Проглатывалось всё. От амуров, само собой, до зарисовок о войне в Алжире. В отличие от других французов. Того же Флобера, хоть и был он учителем начинающего Ги.

– Мне так нравится в твоём закутке, – Танька отшатнулась от шкафа, описав рукой полукруг, как делают балерины, когда кланяются и хотят обнять весь зал, а потом с размаху опять к фанерной стенке.

– Э, потише ты, поперепугаешь их там всех.

– Кто? Кого это я поперепугаю? – Танька испуганно оглянулась.

– Ну... их. Их же там много. Ну что ты так смотришь? Разных людей – мужчин, женщин, подростков. Тьма их здесь в шкафу, которые в книжках живут.

– Во-от! Знаешь, поэтому они тебя и боятся. Ни один мальчишка к тебе не подойдёт. Что, многие к тебе подкатывали?

– Н-нет. Да не очень-то и хотелось. – «Кроме одного, разве что...»

– Вот-вот! Потому что которые в книжках живут тебе роднее, чем одноклассники.

– Как придумаешь... – Аню однако кольнуло, ведь её подруга права.

– Ладно, что я на тебя напала-то, на болящую. Несмыслово.

У Таньки нет-нет да и вылетали вдруг какие-то словесные «пердимонокли». Сама сочиняла или слышала где? Она снова припала к шкафу, уже «смыслово», с лёгкой неприязнью глянув через плечо.

– Тебе главное – послать болезнь куда-нибудь... за докторской колбасой. Пусть замучается искать и пропадёт без вести. Я бы вообще не болела, был бы у меня свой уголок. У нас вот дома все в одной комнате толкутся. Везёт тебе.

– Ага, везёт со страшной силой... и? – слегка напряглась Аня.

– Не хотела тебя расстраивать. Нет, представь, Швабра всё же поставила двойку – тебе тоже. Мне-то ладно, я здоровая. А тебе!

– Не кричи ты так! Мама услышит. Фиг с ней, с парой. Я всё равно учиться в этой школе не буду, – мечтательно улыбнулась Аня и почувствовала, как треснула запёкшаяся губа. «Тьфу! Проговорилась!»

Танька открыла рот, чтобы выпалить неизбежный вопрос, как тут послышались торопливые шаги и появилась Анина мама – всё слышала? Причёсанная на выход, припудренная, в своём лекционном костюме, не потерявшем очертаний и благородного цвета терракота за многие годы. Она его привезла когда-то из Риги, которая произвела на неё неизгладимое впечатление. И этот трикотажный костюм тоже – носимый потому незаменимо-неснимаемо весь учебный год. Поверх лучшего костюма старый кухонный фартук.

Сегодня у мамы ещё вечерники, две пары. Не до халатиков. Вечно ей надо куда-нибудь бежать: то к вечерникам, то к заочникам, то к дневникам. Вот и дочь чаще всего чувствовала себя пожизненной заочницей – живущей где-то за родительскими очами.

Чуть бледное из-за пудры лицо, без улыбки, без иных эмоций, непроницаемое, разве что с оттенком лёгкой досады и озабоченности. Без них сошло бы за красивое, если могут быть красивыми строгие академические черты. Ни одной чёрточкой лицо дочери их не повторяет. Всё другое, до цвета глаз. Да и тёмные волосы непонятно в кого, у обоих родителей они русые.

Растолкав в стороны книжки на тумбочке, мама вклинила меж них поднос – специальный «болезненный», с цветастым китайским термосом, большой чашкой чая, розеткой варенья. Такая у этого подноса была работа – нести дежурство подле Аниной кровати, когда она болела.

– Таня, ну, просила же... И ей только питьё можно пока.

«Ничего она не слышала!»

– Не забывай, пей побольше. И положи почаще, – глянув на дочь, сказала мама, и, считай... её уже здесь не было.

Треснувшую губу никто и не заметил.

– Пойдём, Татьяна. Придёшь, когда ей будет получше, – то и дело поднося часы к глазам, мама была уже в дверях.

Оглянувшись на прощание, Танька в отчаянии прошипела:

– Расскажешь, где ты была?

Аня только рукой махнула.

«Получше будет. Да мне и теперь неплохо». Время болезни – время лежания в тишине. В мягком покое. Обволакивает, как дополнительное одеяло. Болезнь копошится где-то на спуске с языка в горло – нехотя. Если не шевелиться, тогда и микробы замирают, сбитые с толку. В комнате уже полусумрак, не утомительный для глаз. Мирная передышка. Мама не ругает. Чаёк, малиновое варенье... сказочная жизнь, буратинная. Хлористый кальций, конечно, портит картину хуже дёгтя. Ладно бы просто горький, так он ещё и приторно горький. Его можно и пропустить. Хочешь – спи, хочешь – думай неспешно».

Звонок в дверь. “Ну вот...” В выходные дни, когда кто-то из взрослых дома, было хорошо – двери на их площадке из трёх квартир вообще не закрывались.

– Ой, Нютик, ластонька, прости, бога ради, потревожила? Думала, мама ещё не ушла, – соседка слева, Нина Алексеевна, мамина приятельница, и вообще, дама по классике, не просто

приятная, а буквально, с какой стороны ни возьми, если и не всему миру приятельница, то всему двору-то уж точно.

И какие же они разные с Аниной мамой, хоть и возраста одного, и прически у них похожи – на косой пробор, висок «бабочкой». По комплекции, правда, соседка внушительнее – и в ширину, и в высоту, и халатики у неё красивее, домашнее.

Но главное – выражение лица. «У меня всё замечательно!» – говорило оно и улыбалось. Улыбалось, когда она приходила к ним в гости, когда они вдвоём с мужем шли по улице – исключительно под ручку. Они, впрочем, улыбались оба: он, потому что рядом Нина Алексеевна, а она, потому что её под руку ведёт муж. Все продавщицы у неё в подружках, оставляли ей самое свеженькое и дефицитненькое, потому что и им перепало от нежадной улыбки, не наигранной, самой натуральной.

– Да ничего, я ведь ходячая.

– Конечно, ходячая, какая же ещё! Вот и ходи теперь назад, в кроватку, – Нина Алексеевна подхватила Аню одной рукой за талию, в другой руке у неё была тарелка, и повела в её комнату, как санитарка раненого.

Соседка справа, Марь Михална, тоже была не плохой, но, как и мама, пропадала на работе. И она была... ещё и партийной. Для мамы вся эта партийность – лицемерие одно или недалёкость, и быть в партии – как быть в чём-то немного перепачканным... В чём-то пахнущем. С такими ей было не до дружб.

Вот с Ниной Алексеевной дружила даже Аня. С живым радостным эталоном домохозяйки, матери и жены. И соседки. Её приход... Он всякий раз обласкивал и согревал. Чем? Отсветом, наверно, того благоденствия, которое царило в их семье.

Муж Нины Алексеевны был начальником рангом повыше Аниного папы, квартира у них тоже, хоть и двухкомнатная, но просторнее, с большим холлом, тянувшим на целую комнату. Обстановка модная, дорогая, никакого старья, в каждом уголке – уют и приятность. А с сыном соседей, Игорем, Аня училась в одной школе, и в музыкалку они ходили в одну и ту же. И даже...

Ну, это было ещё когда им было лет по десять, Аня и Игорёк составляли фортепьянный дуэт. Идея была двух мам. Потому и вызывала бесконечное умиление эта игра в четыре руки именно у мам, буквально до слёз. Венцом сотворчества стал романс Варламова «На заре ты её не буди». «Про меня песнь. Не на заре-то и то не добудишься».

Лучше бы они не выступали на концерте в общеобразовательной – после этого их слёзный дуэт скоропостижно распался. Злые пацаны наверняка сказанули что-нибудь Игорьку. Кроме всего прочего он был прилежным учеником примерного поведения, ясно – маменькин сынок. В чём-то на то смахивало. Он был не забияка никакой, большие круглые глаза напоминали немного Танькины, смотрели всегда спокойно, чуточку удивлённо.

Независимо от дуэта Нина Алексеевна оставалась по-настоящему искренним другом. Умела она подойти близко-близко, заглянуть в глаза, ласково приобнять за плечи, если вдруг на юном челе сгущались тучи. И запросто из этих туч проливалось наболевшее – часто вместе со слезами.

А уж без угощения и вовсе не приходила. Не соседка, а ходячая плита-самопечка, из которой всегда можно извлечь какой-нибудь вкуснейший пирожок или пирожное. Аромат ванили, исходящий от тарелки, накрытой салфеткой, Аня учуяла даже заложенным носом. Эклерчики! С заварным кремом, от души сдобренные сахарной пудрой, её любимые. На её любимой японской тарелке музейной красоты.

– Ой, знаете, Нина Алексеевна... с вами любому врагу конец!

– Это как? – удивилась соседка.

– Ну вот, засылают вас поваром к каким-нибудь врагам, и они – всё! Воевать? Зачем? Одно на уме – как бы натрескаться ваших пирожков, и побольше.

Нина Алексеевна радостно рассмеялась.

– Не надо меня куда-то засылать, а то мои обидятся.

– Нет, конечно, никто вас не отпустит. Я первая не отпущу. Оно же лучше всякого лекарства, ваше печиво. Теперь сразу же поправлюсь, вот увидите!

– Вот и умница! – продолжала цвести в улыбке Нина Алексеевна. – А пока, давай-ка, заверну тебя, как пирожок, чтобы нигде не поддувало.

Она любовно подоткнула Анино одеяло со всех сторон, оставляя её руки свободными.

– Подогреть чайку?

– Не, не надо. Ещё не остыл.

Нина Алексеевна налила ей чаю, придвинула поближе пирожное и, довольная, скрестила руки на пышной груди.

– Ну давай, пей на здоровье, а я побегу. Сергей Иванович скоро придёт. Как-нибудь забегу ещё, – и погладила Аню по голове. – Такая гладенькая у тебя головка, как у ласточки.

Болезнь пасует перед только что испечённым пирожным – оно само проскальзывает в рот, такое нежное. Ай да Нина Алексеевна! Нет, мама тоже хорошо готовит. У неё и блокнот с рецептами есть, как у всех – от руки всё чётко: 100 грамм того, стакан сего... Но почему-то его никогда не найти, когда надо. «И... А мама когда-нибудь гладила меня по голове?» Не вспомнив, Аня облизала ванильные губы, запила тёплым чаем, с чувством выполненного долга блаженно замерла под одеялом. Ничего не надо делать.

«Нелегко, конечно, признаться в таком, но с ленью, да, не знаю я, как с ней бороться. Она всегда в победителях. Зачем столько тяжкого ежедневного труда? Вместо того чтобы хладнокровно наброситься на врага, начинаешь мучиться, хитрить – как избежать неизбежное? Мытьё посуды не оставляет надежды. Наказание за то, что мы едим. Едим каждый божий день. Вымыть её до конца – не дано. Почему бы ей не мыться самой? Нет, она возрождается вновь и вновь несколько раз на дню. Грязная посуда бессмертна. Как и пыль. Единственно вечное, что есть на земле. В чём угодно можно сомневаться, только не в них. Если бы хоть можно было чувствовать, когда драишь какую-нибудь сковородку, что при этом ты... живёшь.

И что так убиваться с этим мытьём? «Без немытой посуды, мама, не открыли бы пенициллин. А он меня сколько раз уже спасал». Был какой-то древний заговор, переросший затем в стговор – вещи против меня. Они делают это ночью, когда никто не видит: перелетают с места на место, перекувыркиваются, выворачиваются наизнанку... Утром ищешь, ищешь. Счастливицы, кого вещи слушаются, даже не знают, какой им достался дар. Некоторые же на раздачу опоздали, долго искали свои очки».

Не хорошо ли? В школу идти не надо, наверно, до самого Нового года...

Что?!

Аня подскочила, как от удара током. Идеально подоткнутое одеяло прочь! Сердце зашлось барабанной дробью: «Тревога!», ноги опустились на пол. Встать и бежать... Куда? В новую школу? «Боже! Что теперь? Кто понесёт заявление, и всё... А табель! Теперь в нём будет трояк по истории! Она нарочно сделала это. Швабра-жердь. Она чувствовала! И вечер, будущий сказочный вечер среди фей... Всё пропало».

Снова на постель лицом вниз. Вся её будущая жизнь, такая близкая, почти уже осязаемая, рухнула. Она теряет сознание, нет, умирает.

Но в следующую минуту больная приподнимается на локтях, набычивается, медленно и зло мотает головой из стороны в сторону – пошли вон, дурацкие мысли, дурацкая болезнь! Из глаз, из носа течёт, брызги во все стороны. Микробы насторожились. Аня снова садится – с прямой спиной. «Я должна поправить себя – совершенно. Now!»

Лицо порока

«Никто за меня не сделает это – не поступит меня в новую школу. В старой я учиться – НЕ БУДУ. Даю себе два дня. Выучу все эти кретинские даты с начала года, буду сама тянуть руку и никого не подпускать к доске через мой труп. Нет, просто не буду. И вообще – болеть мне больше нельзя, медсправка нужна».

...Танькино лицо при виде подруги в раздевалке сначала вытянулось в удивлении, а затем сникло, прямо в обиде.

– Явилась! Являются только, знаешь кто? Сама ж меня учила. А я к тебе собиралась после школы. Мы с мамой «поцелуйчиков» напекли с абрикосовым повидлом, – насупившись, чуть не с угрозой объявила она.

– Учиться хочу, – без улыбки, оберегая губу от новой трещины.

– С ума сошла! Больная ты, или где? И как тебя мама отпустила-то?

– Она на работе. И я не больная.

– Ну, здоровая, только вылитая эта... испуг ходячий.

Таня тронула лоб подруги. Аня отодвинула её руку.

– Да всё нормально. Нормальнее уже... Мне же надо исправить пару.

– Ты что, из-за этого?! Вопще, она на тебя чё-то взелась. Я вопще не понимаю, как так можно, человек хворый, а она...

– Что она?

– Да какую-то ерунду буровит. Что хвосты стали носить после войны вдовы, чтобы показать, это... что они ищут себе это, мужей.

– Что-о?! Она что, совсем? Каких ещё мужей? Какие вдовы!

Аня в панике схватилась за свой ничего не подозревающий хвостик на затылке.

Нелюбовь тоже бывает взаимной. Ещё как. Чаще, наверно, чем любовь. То, что классная относится к ученице Анне Маниной, как к чему-то чуждому, выбивающемуся из рамок, очерченных указкой, давно понятно.

Когда стало ясно, что история – это не для учёбы, а для сонного опупения, пришлось что-то с этим делать – читать подпольно, подпартно, то бишь, держа книжку на коленях, или рисовать запоем – куколок, балеринок. Фигурки в пачках – в полёте, в лебединой стойке, в безутешной «жизельной». Вырисовываешь ручки, ножки, все изгибы – почти танцуешь.

Прочитанная в шесть лет книжка про детство Галины Улановой наполнила Анину голову и сердце, все её существо, мечтой о балете – о том, что выше привычных жизненных рамок. Парить, блистать... И эта одежда – пачки! Стоило увидеть их в «Лебедином» – околдовали. Прозрачная слоистость, сама по себе сказочная, воздушность и упрямая непокорность гравитации – как? Вот как все эти слои держатся и не падают? И чуть трепещут, волнуются, как живые. Тайна. И существа, облачённые в пачку – они, конечно же, неземные.

Учиться балету, только ему.

«Посмотри на себя! В чём душа держится, кожа да кости. А там выносливость шахтёра нужна. Да ещё близорукая. Какая из тебя балерина!»

Сказала мама.

И Аню отдали в музыкальную школу. Как отдают в солдаты, не спросив, или в заключение за провинность. Дома было пианино, что ж ему пропадать? Ну и... Слух у девочки был, чувство ритма было, чего ж ещё? А не было главного. Желания.

Всё желание ушло в балет.

Преподавательницу специальности звали Аделина, от слова «ад». Аделина Игоревна была ростом с Аню – у неё был горб. При этом кисти рук, как и сами руки, были вполне крупные, взрослые. И пальцы с коротко подстриженными бледными ногтями оказывались на удив-

ление сильными, когда обхватывали кисть Аниной руки, уча, как правильно давить на клавиши. Но у Ани не получалось с силой. Аделина выходила из себя и прибегала к линейке – думала, силы прибавится, если линейкой по пальцам. Но нет, не прибавлялось.

Музыкальная школа стала чем-то вроде экзекуторской. Когда ученица шла туда, она шла на казнь – медленную и мучительную.

Между тем, когда стали проходить Баха, Бетховена, Прокофьева, Аня полюбила их вещи и играла с удовольствием, особенно «Лунную». В ней действительно было что-то от луны, от тайны ночного неба, и как всякая тайна, она завораживала. Как-то, вместо заболевшей Аделины, с ученицей занималась другая преподавательница. И она её хвалила! Как раз за «Лунную». И на экзамене ей поставили пятёрку – первую за всё время!

Но основная вскоре выздоровела, и всё пошло по-старому. По-пыточному.

Мама ничего не желала слышать. Это была даже не решимость, а одержимость: дочь её умрёт, но будет заниматься музыкой. Должно быть, она прочитала о каком-нибудь музыканте, который в детстве тоже занимался из-под палки, а потом стал великим. Из-под палки, может, и становятся. Но не из-под линейки.

Балет, и рисованный, был опасен, сбивал с пути истинного. Погружаясь, можно не заметить, как возле парты останавливается учительница истории – с открытыми на этот раз глазами. Наблюдает, вроде бы, с интересом даже, стоя за плечом беззвучно, будто смерть, дарит художницу долгим скорбным взглядом, как неизлечимого больного, молча сгребает с парты листочки с рисунками и запихивает их в конец классного журнала.

«Тише, тише, ребятки...», – тише обычного.

Не могла знать Анна Манина, что в тот день было положено начало досье. На неё. Как на редкий вид – для их приличного класса – породы «падших особ», «искательниц запретных удовольствий» и чего-то ещё такого... Балет – часть демонически вредных удовольствий, тёмная сила, придуманная исключительно для превращения неокрепших юных созданий в падшие – сразу, минуя какие-то другие стадии. «Маугли» в ТЮЗе – не лучше. Мальчик-то голый! Класс ходил на спектакли кукольного театра для детсада.

Так что, будучи на должности руководителя культурно-массового сектора, последнего по значимости в активности класса, ученица слабо справлялась с этой работой.

Краеведческий музей, конечно, захватывающее место, но класс в нём честно побывал уже раз пять. На удивление облезлым лисам и совам, которым в пору уже здороваться с учащимися 8-го «В». А больше никуда.

«Подрабатывала» Аня в стенгазете, рисуя мимозы на 8-е марта и солдат в касках на 23-е февраля. Солдаты получались неубедительно: с девочкиными лицами, хоть и в касках.

А досье пополнялось, раз появилось. Как-то раз – изъятая книгой.

– Может, лучше тебе всё же домой, а? И так малахольная, да ещё с лица сбледнула... Точно, привидение, – Танька тычет в зеркало возле раздевалки.

Да, бледненькая. Да, плоская. Два невнятных бугорка только-только «завязались» на месте груди. Но их, и без того робких, расплющивает на нет Черный фартук. Глаза... Глазищи: светлая карь – карие, но не тёмные, а Танька говорит, «сзелена». Может, они бы и могли стать украшением, и ресницы тоже. Бабушку послушать, так и бровки собольи... Но ведь очки! Несчастные эти очки с довольно толстыми стеклами минус четыре с половиной. Тонкая шейка, ужас: стёкла толстые, шейка тоненькая.

Да. Вот так выглядит порок: тощая, в общем и целом, фигурка в красных сапожках с загнутыми носками. Разве что порок сердца – такой диагноз тоже приклеивался к прозрачному телу.

Теперь ещё и ОН. Провела рукой по гладким волосам, с опаской коснувшись его – орудия чего?! На добродетели можно поставить жирный крест.

«Ах! Да на чём угодно, лишь бы не на новой школе».

Прорвать линию фронта у доски – невозможно. Такого ещё не было. Лес рук, и тощенькой Аниной руки классная не замечала, хоть убей! Нравилась ей жирная пара, зачем её исправлять. До окончания четверти оставалось всего два урока истории.

– Ты так тянешь руку, даже эти все заметили, Зинка спрашивает, она что, на доску почёта метит?

Таня в силу своей простоты общалась со всеми в классе, и с «элитными» в том числе. Зина Пуртова была как раз той первой фрейлиной, что брякнула как-то про детей у искусственной. Вид у Зины был важного значимого человека, и говорить она умела значимо, могла и голос повысить, чуть что. Аня звала её Максимовной – по отчеству.

«Попросить кого-нибудь из «свиты» поговорить с классной? Дохлый номер». Как вдруг осенило!

– А знаешь, что... – тихо проговорила она, лизнув корочку на губе.

– Что-о?

– Ты скажи Максимовне, что я на самом деле ничего не знаю, но что на спор пойду к доске без шпоры.

– А смыслово? – засомневалась Танька.

Учительница истории, сообщив в сороковой раз, что инки жили в «Перу», вдруг приоткрыла щёлки глаз и направила взгляд в сторону их парты.

Аня только вздохнула. И произнесла, не размыкая губ:

– Смыслово, смыслово. Тогда она меня вызовет.

Танька молча уставилась на Аню округлёнными глазами.

– А-а.

Как звали Гамлета

Начинающий чревовещатель побеждает опытного, со стажем с до нашей эры! И надо было видеть этого опытного, когда все даты, устно и письменно, отлетали от дорвавшейся, как щепки из-под рубанка папы Карло. Учитель старался, задавал и задавал вопросы, но – караул! Выдохся? Что бы ещё такого спросить – искал у себя на столе, в сумке, на потолке, под стулом. Ученица знала то, что и не задавали: подноготную дреговичей, вятичей, веричан каких-то. Потому, в некотором замешательстве сложил учитель своё орудие – указку на стол, скрестил руки на впадине и спросил заискивающе:

– А... есть ли, Манина, у тебя справка, что ты допущена до занятий после болезни?

Если бы у Маниной была указка в руках, она бы её выронила. Она бы выронила всё подряд. Но в руках не было ничего, зато был азарт и новая школа впереди.

– Есть! Конечно!

Никакой справки не было в помине. Откуда? Мама, увидев утром одетую в школьную форму дочь, пригрозила закрыть её на ключ, уходя на работу. Вступился папа – вот уж неожиданность.

– Радоваться надо – вот как человек рвётся в школу. Была бы больная, лежала бы в кровати и охала. А тут вон – бегаёт. И пусть бегаёт. Слава богу!

– Слава КПСС, ты хотел сказать, – с запалом поправила беспартийная мама партийного папу.

Папа тут же пожалел, что ввязался, с таким раздражением поправил съехавшие очки. Очки эти! От него-то, от папы, и у Ани слабое зрение. И на войну его не взяли из-за зрения, о чём он всегда жалел.

– Ты всегда найдёшь, к чему прицепиться, – сказал он без выражения.

– Нет, ну скажи тогда, скажи – много хорошего тебе дала твоя партия? А?

– А почему она должна давать? Это я ей должен! И все мы! – тут уже кричит папа.

– Что?!

«Ленин встал, развёл руками: “Что поделашь с дураками?”» (Не Шекспир.)

Когда-нибудь мама убьёт папу. Так её взрывает этот «дегенератизм». Папа бросает вилку, было это за завтраком, и скрывается в другой комнате. Кухонную дверь он больше не трогает, как-то раз хлопнул так, что вылетело стекло.

Мама не остаётся в долгу и кричит уже ему вслед. Крик мечется между полом и потолком и нехотя зависает по углам квартиры чем-то липким. Конца ему не будет никогда, потому что там он только и ждёт момента, чтобы обрушиться на чью-то голову вновь.

Аня со своей болезнью перестаёт быть центром внимания и, вообще, сколько-нибудь заметной фигурой, под шумок подхватывает свой рыжий портфель, у неё одной был такой во всей школе – мама тоже из Риги привезла, наматывает два шарфа вместо одного и сбегает в школу.

Всё нормально: взрослым с их взрослыми проблемами не до каких-то там детских вопросов.

– Ну ты даёшь! – подруга не ожидала от «малахольной». – Как она не хотела, но всё же поставила тебе – пятак!

– Это же прямо был театр: открывала журнал целую вечность, куча листков из него вываливалась, она эту кучу собирала с пола на негнущихся ногах, потом искала ручку – другую вечность. За указку хваталась, как за соломинку...

– А когда ты успела справку-то взять?

– Справку? Справки-то нет. И не будет.

Танька ахнула.

- Ты же видела: главное, уверенно сказануть. Нахально даже.
- Ну она же всё равно не отцепится.
- Ай, ерунда! Что-нибудь придумаю. Какая-то там бумажка.

Не могла Аня ещё знать всего великого и страшного могущества каких-то там бумажек. Впрочем, только-только начала осознавать, что без них ей не светит поступить в новую школу. За каждой скрывалась нешуточная цепь препятствий. На очереди было заявление – подпись родителей на нём. Мама будет против, как пить дать.

Новая школа дальше от дома, чем старая. До неё аж три автобусных остановки. Пешком минимум полчаса. Можно по другой дороге – через железнодорожные пути, но там насыпь щебня высокая, да ещё темень по утрам. Дополнительные расходы на транспорт.

«И что тебе этот английский язык? – скажет мама. – Тебе нужно думать о серьёзной профессии». Они-то с папой технари, оканчивали политех. Значит, все на свете должны быть технарями. Ну а если она узнает о тех вольностях в новой школе, которых нет ни в одной другой, не о чем тогда и мечтать.

Нет, синие чулки тут ни при чём, и не ретроградство никакое. На старых фотографиях молодые мама и папа – позавидовать можно, какие балдёжные. Хохочут до упаду, уцепившись друг за дружку, чтобы на ногах устоять. Папа спортивный, подтянутый – «крест» на кольцах мог держать, и такое фото было. Танцуют в компании друзей, да не просто, а чтобы смешно: мужчины переодеты в платья, женщины в широченные брюки и кепки, как у Маяковского; где-то на природе палят из здорового деревянного пистолета, гоняют на мотоцикле. Ничего что жили тогда в бараке с удобствами на улице.

Они, наверно, все тогда были весёлые – война окончилась, они победители, как не радоваться. Жить стало лучше, жить стало веселее – особенно после смерти автора этого наблюдения. Но почему-то недолго.

Как будто подменили маму и папу на других. Работа. Служение долгу. Мама в институте на ставку да в техникуме на полставки, папа руководит отделом с утра до ночи. Когда видятся на пяточке кухни – не радуются встрече. Совсем. Хорошо, если не полосуют друг друга руганью. Не веселятся больше. Не балдеют. Папа с телевизором или газетами «Гудок», «Правда»; мама с книгой или журналом – может, и балдеют, но каждый над своим.

Они что? Да просто напрочь забыли про то, как раньше им было хорошо и весело вдвоём, да вообще, как весело быть молодыми. Если бы они помнили...

Если бы помнили, разве были бы против, чтобы и их дети испытали всё это: пирушки, забавы, удовольствия. Но нет, отшибает. Только запрещать, опасаться, перестраховываться.

«Но видит Бог, излишняя забота – такое же проклятье стариков, как беззаботность – горе молодёжи» ("Гамлет". Шекспир).

И над всем этим всемогущий, великий и страшный закон: Что Скажут Другие! Соседи, коллеги по работе, родственники, уборщица в подъезде тётя Дуся. Ведь ВСЕ они непременно бросят всё, прибегут и страшным хором ЧТО-ТО скажут. Если их дочь научат чему-то не тому в непонятной школе. Что тогда!

А дети. У них другое. Они-то никогда не были взрослыми. Только и могут, что поражаться – как же их не понимают родители!

На перемене не знаешь, куда деваться в этой школе. Неширокие коридоры забиты движущейся, прыгающей, шарахающейся из стороны в сторону толпой – все толкаются, первоклашки бросаются под ноги, дубасят друг дружку портфелями, орут, визжат.

В буфете давка за коржик или пирожок с луком и яйцом. Таня ничего не принесла из дома и тащила подругу именно туда. Аня смирилась. Но не ради какой-то там еды.

«Сейчас я увижу его».

За одним из стоячих столов со столешницей мрачного несъедобного цвета стоял он. Гамлет. Что-то там пил, жевал. Ни чёрного камзола, ни шпаги, мышастый школьный костюм, как у всех. Почему в этой школьной каше из лиц Аня замечала только одно лицо – его?

Гамлета звали Саша Унрау, и он был дальше, чем из Дании, или обратной стороны Луны, потому что учился в другом классе. Видеть его Аня могла только на переменах. Это было как видеть портрет в картинной галерее или смотреть на героя в кино – без ответного взгляда. Ни одного такого взгляда, даже вскользь, Аня не перехватила за целых три года.

По правде сказать, сама она тоже не собиралась в открытую пялиться, пусть и на своего кумира. И если бы он всё-таки взял да и посмотрел в её сторону, то всем своим видом она бы показала: он для неё не интереснее трещины на потолке. Или в полу. Почему?

Действительно, почему? Да потому что он, ОН должен первый, а не она. Она – воплощение тайны, тайного духовного мира, в котором пусть даже царит он, её избранник, но никто на свете не должен догадываться об этом – до поры до времени. Прежде же рыцарю надо суметь показать даме сердца ЕГО расположение. Не до серенад, конечно. Искусно заговорить с дамой, чтобы самая бестолковая поняла, что вот это: видеть и говорить с ней – главное счастье его жизни. Для начала.

Потом, если и дама находит беседу с ним приятной, ему будет дозволено держать её руку в своей руке. Даже близко не куртуазные авторы превозносили этот момент. «Ни с чем нельзя сравнить радость первого рукопожатия, когда одна рука спрашивает: «Ты меня любишь?», а другая отвечает: «Да, я люблю тебя», – Ги де Мопассан, признанный циник из циников, между прочим. Рождается доверие друг к другу. Что может быть важнее? И тогда, пожалуйста – касайтесь губами этой руки. Потом – виска. Потом... Ну там много чего можно касаться... При условии благосклонности дамы.

А тут что? Она была никем, попросту не существовала на свете, раз её в упор не видел этот мальчик из другого класса. Зато сейчас в буфете он не только прекрасно видел девчонок напротив через стол, но и играл с ними в пинг-понг – словами, взглядами. Одна из девочек, звали её Мила, была не просто...

В последний месяц Мила и Саша, как назло, то и дело попадались Ане на глаза – вдвоём. Каждый раз хотелось думать, что случайно или по ошибке. Но ошибок становилось всё больше.

В их школе, вообще, не было заведено открыто «дружить» мальчику с девочкой. Высшим предсоветом не благословлялось: ходить на свидания, домой друг к другу, куда-нибудь ещё. Где-то подспудно, невидимые глазу, как грибные споры, переплетались симпатии, влечения, которые могли бы вырасти в дружбы, а то и во влюблённости – при благоприятных условиях.

Ничего милого не было в этой Миле. Личико как личико, без изъянов, но и без чего-то цепляющего. Разве что волосы – шикарные, густые, чересчур, пожалуй, густые, стояли прямо копной, как в поле. И цвета непонятного – среднего между каштановым и русым, с рыжиной – цвета копны, в общем. Как можно любить копну?!

Танька, которая знала кое-кого из их класса, говорила, что Мила хорошо учится и что директриса школы ей какая-то родственница.

Саша так вовсе – отличник. Выглядел скупающим интеллектуалом, познавшим в жизни высоты и падения, понятно, всем подряд разочарованным. Коротко подстриженные волосы, никаких тебе пацанских вихров, обувь блестит, брюки наглажены. Аккуратность, невозмутимость, суровая задумчивость. Быть там или не быть, не вопрос. Быть, но... аккуратно. А вот: как быть? С кем? Когда? А надо ли?..

Да не нравится ему эта Мила нисколько! Когда они рядом, он ничуть не выглядит... ожившим. Не Гамлет, а угрюмая тень отца его. И топает на пол-лошади впереди девочки, будто и не с ней вовсе, а сам по себе.

До него, до Саши, у Ани был Гамлет – подлинный, созданный Шекспиром и несравненным актёром. Не было прежде такого героя, не то что в жизни, но и на экране. Образ терзаемого

мыслями о предательстве разрывал сердце. Боль и красота. Угрюмая, но величественная природа, костюмы ей под стать. Благородные очертания головы, светлые волосы, чёрный камзол. Каждое движение, пластика всего образа мятущегося принца – почти балет и недостижимый аристократизм. Звук голоса принца проникал прямо в душу и жил там негромким мадригалом, слышным ей одной.

Экран не помеха, чтобы грезить встречей, вести бесконечные вдохновенные беседы – одна лишь ученица 8 «В» класса понимала, из-за чего этот юноша, попавший в западню, сходил с ума, и жаждала его спасти, и могла бы! Не то что эта овца, Офелия, папенькина дочка. Видите ли, папеньку она любила больше жизни, этого профессионального проныру и лизоблюда. И стукача.

Да какой на фиг папенька, когда человек любит её и погибает в этом затхлом замкнутом замке. Их там всех замыкает – думают, что они созданы для того, чтобы вляпаться в трагедию и сидеть в ней до летального исхода. Ему надо было вырваться, бежать из этого зачумлённого Эльсинора, который ещё хуже школы. Возьми палатку, рюкзак и дуй в Индию – никаких тебе норд-остов, отогреешься, поправишь здоровье и мозги. Эх, убежать бы вместе! Аня написала принцу Гамлету письмо. Он не ответил. Ясно, перехватили поганые прихвостни эти, Клавдиевские.

Фильм знала чуть ли не наизусть, посмотрев шесть раз. «Дания – тюрьма». А школа не тюрьма? Во всех нас есть немного Гамлета...

Из всей школы только Саша внешне, хоть и отдалённо, но навевал образ принца датского – цветом волос, посадкой головы, мрачноватой неулыбчивостью своей. Мечталось, а вдруг он не только внешне... Даже не смешно. И что с того, что он существовал не на экране, а взаправду, и учился в параллельном классе? Одно слово – параллельно. Так и ходили они изо дня в день по параллельным прямым – коридорами, лестницами, никогда не пересекаясь, не соприкасаясь. Даже взглядами.

Ну хоть бы раз он посмотрел на неё! Аня сняла очки и засунула их в карман фартука, вдруг это случится.

«Возьму вот подойду к нему и спрошу – у тебя была когда-нибудь лакунарная ангина?» Он удивится: «А что это?» «Это болезнь такая, от неё умирают». И тогда он посмотрит на неё, Аню, с ужасом и состраданием, потому что всё поймёт, как интеллектuala. «Да, вот сейчас я говорю с тобой, а в следующую минуту могу умереть». Сразу резко – боль и спазм в горле, и горькие слёзы от жалости к своей такой хрупкой жизни.

Да ни к кому, конечно, не подойдёт она ни в жизнь! Снова напялила очки, никто не увидит этих дурацких слёз. Весёлая и беззаботная – вот она какая.

Их очередь подошла на удивление быстро.

– А давай купим сегодня чего-нибудь вкусенького, – скороговоркой выпалила Аня, шмыгая носом, улыбаясь при этом неестественно широкой улыбкой. – Вон кексики, глянь, какие.

И они с Татьяной и с кексиками расположились рядом со столом, за которым стоял Саша. Места больше не было. Кексы оказались свежими, щедро сдобренными изюмом. Аня опять сняла очки.

– Смотри-ка, как не пожалели сегодня тараканчиков, и такие соченькие, – сказала Аня Тане, с аппетитом причмокивая. «Тараканчиками» на их языке был тот самый изюм, а что же ещё, ведь похож.

Тут что-то громом грохнуло об стол, за которым стоял принц, раздался сдавленный звук извержения – которое хотели предотвратить, и одна из девчонок, зажав рот, бросилась вон из столовки. Мила. Аня с Таней посмотрели друг на друга – удивившись, и Аня поймала на себе ещё чей-то взгляд.

Отличник смотрел на неё исподлобья, с явным отвращением. Вопросы «Быть или не быть» – ей, Ане, в ту минуту для него не существовало. Глянул, уничтожив, и уткнулся в свой стакан с кофейной бурдой, обхватив его мёртвой хваткой.

«Но он посмотрел не меня! И я была без очков. Ну... не прочь был убить, правда. Да, Гамлеты, они все такие».

Танька, отложив свой кекс, давилась смехом в кулак, как дура, не в силах остановиться. Аня же, как умная, изрекла вдруг:

– Superb! – услышанное в новой школе.

Принц снова глянул на неё, при том, что произнесла она это тихо-претихо. С силой долбанул гранёным стаканом с недопитой бурдой об стол, подхватил с пола свой портфель. Свой громадный такой портфелище, и что только он в нём таскал? Черепа, должно быть, и не одного только бедного Йорика. Походка его, тяжёлая по обыкновению, утяжелилась грузом презрения и нежелания когда-либо ещё в жизни видеть ту, что проронила это вражье словцо.

«Он меня не забудет». Остальные девчонки из его окружения потянулись за отличником безмолвным, но осуждающим гуськом.

– Такой кофе вкусный, и не допил, – сказала Аня им вслед.

– Да вообще, чё к чему? – сказала Танька.

«Ну и пусть топают. Битюг владимирский. Близко не принц никакой и даже не тень отца его. Обыкновенный... зубрила от сих до сих, он и Гамлета-то в глаза не видел, ни в книжке, ни в кино».

Мысленный фонтан клокотал лишь внутри, наружу ему было заказано. Таня не была посвящена в роман века. При её общительности он мог бы стать достоянием всей школы, включая педсовет. И без того моральный облик Анны Маниной уже с трудом тянул на моральный. А ей ведь ещё нужна характеристика.

Попасть в «десятку»

До звонка оставались ещё минуты, можно постоять у окна в коридоре. Любимое занятие: прожигание окошек в мир. Приставляешь палец подушечкой к куску льда, в которое превратилось оконное стекло, – вот тебе оконце. А можно прижать всю ладонь – жжёт, как огнём. Ничего, потерпишь, зато окно так окно – целый двор виден.

– Не пойду больше в буфет, и не тащи меня. Целых шестнадцать копеек на этот кекс угрохала, можно было марки купить «Цветы альпийских долин», – бубнит Аня, отвернувшись к окну.

– Чё тебе эти марки, из-за них что, с голоду помирать? Копишь, копишь... Ну когда расскажешь, где ты была тогда? – умоляюще проблеяла Танька, дожёвывая свой кекс.

– У-уй! Вот пристала!

– Пристала, да? Счас ещё не так пристану! – Танька, кое-как обтерев руки о фартук, хватает подружку сзади поперёк туловища и с силой мотает её из стороны в сторону, вытряхивая из неё ответ.

– Да отпусти ты! Скаженная, – Аня отпихивает Таньку от себя. – Совсем, что ли! Просила же, не делай так!

– А я тоже тебя сколько просила – расскажи... – рот у казачки до ушей, не обижается. – Чё б тебя грошки не потрепать, легкота одна, когда не в обмороке.

Казачка эта... Нет, ну это ведь не означает, что они перестанут видеться и дружить с Танькой – если Аня перейдёт в другую школу. И всё же малость скребло. Здорово было бы сманить и её тоже. Увы. По английски у Тани твёрдый трояк, и не получалось вытащить её хотя бы на четвёрку. Не шёл он у неё. Зачем ей английский, если она собиралась в медсёстры? Да и с русским-то у неё было не всё так гладко: «Не скажу мамы».

– Ну что тут рассказывать! Ещё ничего не понятно.

Не хотелось говорить об этом, вообще ни о чём. Навалилось чувство потери. Ненужности. Собственной личности. Потерять, даже не обрета, – такое под силу только умельцам вроде неё. Какая там личность, ха-ха – одна сплошная лишность. Такое знакомое, почти неотвязное чувство. С первого класса, подумать только!

Вот она, та девчонка с двумя тонкими косичками ничком на задней парте. Парта чужая, она забралась в неё на перемене, чтобы никто её там не заметил: прикинув к заляпанной деревянной доске, как к единственно родной, горячо рыдающую. И сейчас Аня помнит смутные запахи краски и чернил, исходящий от деревянной поверхности, видит кем-то отколупанные островки в толстом слое краски десятки раз крашеной доски. Всё-таки застукали её какие-то девчонки, пристали. Какую-то чушь про какие-то пеналы им наплела. Не могла же она сказать этим первоклашкам, что её слёзы – это слёзы разбитой любви. Ревности, безысходности и тоски.

Коля Ребков, с которым они сидели за одной партой... Не сидели, а проживали каждый урок – вместе. Потому что они разговаривали друг с другом, делились ручками, тетрадками, мыслями. Вместе учились на одни пятёрки. Наверно, Аня до конца и не сознавала, что этот мальчик – её первая любовь, пока не грянул гром.

Гром – новенькая, пришедшая в их класс. Что тут сказать. Красавица. Впервые, наверное, Аня и осознала – что такое красавица. Что такое красота. Это непохожесть, это единственность. Все остальные девчонки сразу стали собранием мокрых куриц на одно лицо. Но её лицо... Смуглая роза. Уже одно то, что у этой девочки была знойная смуглая кожа в этом городе зимы. Откуда она только взялась! Алла – алый бутон рта и чёрные глаза с загнутыми ресницами. И вовсе не отличница никакая. Может, она была цыганка и точно – воровка. Она украла их «вместе» в первый же день, превратив его во «вместе Коли и Аллы». Коля сделался будто

глуховат – перестал слышать, когда Аня обращалась к нему. И подслеповат – смотрел, но её не видел. Она стала лишней. До самого окончания начальной школы.

Другая школа. И опять двадцать пять. То есть не двадцать, и даже не два, а как прежде – один.

Лжепринц отвернулся от неё, не удостоив даже разговора, просто, из вежливости. Обсуждают, наверно, с этой Милой, какой она, Аня, монстр. Не только это, а вообще... «Какое же это счастье – говорить обо всём с кем-то! С кем-то... кто тебе интересен, кто похож на... Неважно».

В тоскливом оцепенении Аня устала в двор сквозь россыпь своих окошек – безжизненная снежная пустыня с плохо расчищенной дорожкой посередине. «Хоть бы ёлку поставили, что ли...» Стужа распростёртого пустого белого, вдали забор и фонарный столб. Казалось, она сама пустеет изнутри, холодеет, становится всё площе, всё ненужнее здесь.

– Думаешь, я не вижу – это же всё из-за того, куда ты бегала. Я, может, даже знаю куда. Но лучше сама скажи, – не унималась подруга.

– Какая же ты... Своего добьёшься, – Аня повернулась к ней. – Ну, знаешь ведь, я остаюсь на дополнительные по английскому. Разбирали там как-то рассказ О'Генри, я его очень люблю, и мне Зоя Яковлевна вдруг говорит: тебе надо бы в другую школу, с уклоном на английский.

– Во! Так я и знала! В десятку?

– В «десятку»?! Её так называют? – удивилась Аня.

– Как будто не знаешь! И не знаешь, кто там учится?

– Кто, кто... Ученики учатся.

– У маминной бывшей начальницы дочка там, потому что теперь она в обкомовском буфете работает.

– Дочка работает?!

– Та не дочка, начальница бывшая, не придирайся. В «десятке» непростые учатся.

– Вот, ты больше моего знаешь. И что, если такой «непростой» ни в зуб ногой по английскому, так его примут?

– Ой! Не знаю. Ну, разве попробовать... Ты ведь у нас по нему лучше всех.

– Мне просто нравится язык. С первого урока влюбилась. То есть, в учительницу, конечно. Помнишь, как Зоя Яковлевна у нас появилась?

– Ещё бы! Я ж замечывала причёску, как у неё, не вышло из моих.

– Да что причёска, какое у неё всё было, особенно кофточка! Не могу... Прозрачная, тёмно-розовая, с пышным фонариком. И вообще – она такая! Лучистая.

– Как невзрослая.

– Точно! Эти взрослые, они какие-то... дубоватые, будто в драповых пальто все, на часы только смотрят: «А? Что? Улыбка? Какая улыбка?»

– Ага, все придут такие... у! А у неё мы же ухахатывались с первого урока, помнишь? – Танька снова готова была расхохотаться ни с чего, так засияли глаза.

– Сразу начала нам на английском всё давать, простенькое и смешное – и всё было понятно. Вообще, предмет – такой... Как будто заглянул в окошко чужой страны, страшно далёкой. Знаешь, как называются там предметы, и она уже не такая далёкая. Мне от этого почему-то так радостно делается.

– Конечно, – вздохнула подруга, – у тебя способности, а у меня нету.

«Попробовать ещё как можно. Скажу маме: иностранный мне нужен, чтобы читать научные статьи по всяким техническим новинкам. Ей понравится, она ж помешана на научной работе, вот только не знает, как тогда быть с преподаванием».

Может, она и хороший педагог в институте, но дома... После появления англичанки в их школьной жизни Аню накрыло новое течение в её творчестве: рисование моделей в ёю

же придуманных нарядах. Были у Ани и самодельные картонные фигурки, для которых она рисовала бесконечные вороха одежды – целые коробки. «Я буду модельером!»

«Чтобы быть модельером, надо уметь шить. А у тебя руки не из того места растут». Сказала мама.

Теперь Таня смотрела во двор, приуныв, – редкое для неё состояние. И не вид обесцвеченной равнины был причиной. «Конечно, уйдёт она из нашей школы».

– Вот они! И что там ещё за скандал у вас в столовой? – подруг окружила тройка начальниц У. Ч. С. во главе со старостой. Распределения, как такового, на ум, честь и совесть не было. Каждая из них была сразу всем.

– У нас?! Мы... по кексу съели. Кексы что, нельзя? – с нотой благородного возмущения-удивления ответствовала Татьяна.

– Ну-ну. Молитесь, чтобы Мила Ключкова не рассказала про кексы. Да хотя всё равно уже. Что родительское собрание завтра, хоть помните? – снисходительно поинтересовалась главная из начальниц, Максимовна.

– Ох, забыла тебе сказать! – воскликнула Танька. – Это же, когда ты ещё болела...

– Сегодня на истории дополнительно объявят и тех, кому надо будет тоже явиться на собрание, – многозначительно добавила староста.

Звонок на урок. Но оглушил не так он, как это с ударением «и тех, кому...». Раньше такой чести – «являться» на родительские собрания достаивались самые «заслуженные» хулиганы и второгодники. Но их больше нет в классе! Выведены, как перхоть. И теперь, значит, вместо них?..

– Совсем с ума посходили! Ну, я с ней ещё поговорю потом. Да это она так... Не обращай внимания, – видя подругу, как бы оглохшую на одно ухо, ворчала Таня. – Балуется... властью.

– Она сказала «молитесь»!

– Слушай больше.

– Не сказала – кому.

– Что кому? Нет, интересно, откуда они узнали-то?

– У стен есть уши.

– Шо? То есть, чиво-о?

– Мама моя так говорит. И прикладывает при этом палец к губам – вот так.

– А-а, это когда они ещё при том, при тараканище усатом, жили?

– Про тараканов больше ни слова! Моя мама его людоедом называет, – Аня вновь отвернулась к окну, в класс ноги не шли. «Безжизненность, а манит...»

– Не пережить эту зиму. Хотя бы ёлку...

Крушение чёрного фартука

Болезнь, которую так грубо обвели вокруг пальца, лишь затаилась змеинно. И нагрянула вновь, чтобы отомстить, так отомстить. Обрушился рецидив с угрозой осложнения. Мама еле отбила Аню от больницы – под расписку.

Больницы эти, с двух лет – дом родной. Никто не мог понять, что творится с ребёнком: кровь не желала держаться в маленьком теле – вытекала носом. Изо дня в день. Синяки на ногах, на руках ни с чего. В больнице вливали новую кровь – чужую, она снова вытекала.

Девочке только одно не давало покоя: цилиндры тёмно-бордового цвета рядом с кроватью. Ведь они с сиропом для газировки! Точь-в-точь. Зачем, интересно, в неё столько закачивают этого сиропа? Не один месяц... Потом решили больше не закачивать – толку?

Спасла врач – Врач с большой буквы, которую пригласили от безысходности, для консультации. Она, как гласит семейное предание, подняла шум, дала разгон тамошним неумёхам, после чего они стали действовать по-новому, и появились сдвиги – положительные.

Но совсем болезни не отстали, прицеплялись то и дело самые разные. Строение (на звание дома оно не тянуло), где когда-то родители получили свою первую отдельную квартиру – выстраданную, долгожданную после бараков и коммуналок, находилось буквально под боком у огромного нефтехимического комбината. Их там в тесном соседстве построили целый городок для счастливых – строений, как одно, смахивающих на казармы. Цвета надгробного цемента, да и материалом им был такой же цемент.

Дома – судьба. Свет и радость? Из их окон были видны факелы, олицетворение вечности: горели, не переставая, день и ночь. Называлось это – уничтожение не переработанных отходов.

Необозримое поле со стадом прожорливых факелов. Длинные огненные языки лениво заползали на небо, ненасытно слизывая воздух, которым можно дышать, заменяя его жёлто-серым дымом. Когда с той стороны дул ветер, постоянный химический запах становился густым, почти липким, непонятно – то ли сладковатым, то ли машинным. Тошнотным. Был взят из ада этот огонь, готовый сжечь всё. Ему что? Ему всё – не переработанные отходы. Хорошо, семья всё же успела уехать, окончательно не став отходами.

Болела не только Аня. Жизнь как радость – это чувство у родителей, скорее всего, было похоронено именно там. Ну а какая радость, если не видно и любви – совсем. Что они сделали с ней? Позволили факелам жрать её изо дня в день и отправлять с дымом в никуда?

Когда-то любящие превратились в актёров, которые провалили пьесу, а занавес всё никак не дадут. В этом-то самое необъяснимое и горькое. Зачем тогда всё? Зачем эта жизнь под одной крышей, обеда на одной кухне, если осталось лишь глухое недовольство друг другом, нетерпение, непонимание, каждодневный сор ссор. И ничего, что всё это видит и слышит дочь.

У кого-то вытягивается шея, чтобы доставать до листочков на деревьях, у кого-то глаз переползает с одной стороны туловища на другую для жизни на дне. У Ани же слух... Как у живущих рядом с железной дорогой он перестаёт реагировать на визг ночных электричек, так и у неё, если не отключался полностью, то переходил в режим мини.

Когда мама заводила своё рондо, болеро – нескончаемое, удручающе-тягучее что-то, и всегда подобное, повторяемое почти без изменений, у Ани отваливалась голова, а на её месте появлялся тугий ватный тампон. Пробовать перевести монолог в диалог было не то что несмыслово, а невозможно. Говорящей не нужен был отклик. Приходило ли ей в голову, что разговаривает она сама с собой? Верила ли в эффективность своего метода? Нет. Она же не глупая.

Все-таки это была болезнь. Как у Ани не держалась кровь, так у мамы не держались слова, и вытекали, и вытекали отравой... Недержание слов вселенской безнадёги, обвинений и... нелюбви.

Иногда можно и понять. Если мать видит, что дочь – сидит. Просто сидит и ничего не делает. Да за это мать готова была отречься от своего родства! «Лень вперёд тебя родилась!» Маме виднее. Зачем только она оставила в живых эту лень? «Каждый должен что-то делать в своей жизни лучше других. Ты же совсем ничего не умеешь!»

«Ты всегда права, мама». «Да вот, прямолинейность моя черта. Режу правду-матку в глаза!» Линеиность эта... ещё одна Аделина. «И это счастье для тебя, мама? Твоя семья изрешечена такой правдой, живого места нет. А что семья не набор мишеней, а то, что... надо беречь, прижимать к сердцу и целовать – ты никогда не слышала?» Ответа нет. Потому что и вопрос был немым.

Да, сто раз мама права. Иногда находит: да, сидишь и не знаешь, что делать, мало ли из-за чего. Прислушиваешься – где-то в углу голодная мышь подтачивает, подгрызает твою жизнь. Или просто смотришь... как течёт время. Как вклиниться в его поток, чтобы не утекло без тебя? Поднимаешься, дотягиваешься до часов над диваном, вглядываешься в отливающий медью циферблат, водишь пальцами по выпуклым деревянным розам и листьям... «Сколько же они всего видели и знают. Но никогда не откроют свою тайну: где берут и куда девают потом время. И можно ли хоть что-то с ним сделать. Уговорить, подружиться, не чувствовать страха...»

Если же Аня что-то и делала, опять беда – медлительность. Руки не из того места, внутри улитка. Как с ней стать подвижнее? И вытащить её невозможно.

Нынешняя болезнь тоже вцепилась клещами. Временами наступало полузабытьё. Состояние не сна, но и не бодрствования. Картины, иногда предельно яркие, ярче, чем в жизни, сменялись вдруг страхом, паникой, слезами. От слёз к эйфории, и опять, как в омут – образов, голосов, ощущений.

Горящие факелы – горело в горле; стены с огромными слоновьими ушами – развеваются, как флаги; стены рушатся, на их обломках кружатся в диком танце феи, учительница истории, Гамлет. Летит шпага по воздуху, с крыльями, как птица, её хватает, нет, не Гамлет, промахнулся – шпага в руках у исторички. Нет, пожалуйста! – замахивается на Гамлета, на неё набрасываются феи, но она вырастает выше телеграфного столба, феи карабкаются по ней, налетает вихрь, что-то белое накрывает всё – листки «СПРАВКИ» становятся снегом. Озноб.

– Одеяло! Ещё!..

«Господи, как жарко! Голова лопнет от жара».

Были назначены уколы шесть раз в сутки – пенициллин. Таня рвалась в бой, как сестра милосердия на войне. «Да сто раз я ставила эти уколы. В мышцу, да там делать нечего!» Мама сначала махала на неё руками. Потом стала брать уроки у продвинутой медсестры. В итоге, делали по очереди: Таня днём, мама ночью.

Дня через три стало полегче. Ягодицы отваливались от боли, но в голове прояснилось. Первыми вернулись мысли о новой школе. Тихое отчаяние.

– Да всё нормаль. Звонила я в твою «десятку». До конца января заявления принимают, – сказала верная подруга.

Вторая неожиданность: мама. Она была «ЗА»! За какую-нибудь новую школу для Ани. А всё из-за того эпохального родительского. В тот день Аня как раз и слегла. Это был ужас и позор. Но не для Ани. По словам мамы, перетряхивание Аниного «досье» при стечении народа было просто-таки средневековой охотой на ведьм. Хотя и дочери тоже влетело – за то, что оценки стали хуже.

Больше всего маму возмутило изъятие книги – она её сама читала и знала, что она хорошая. Там описывались два мира, оба совершенно незнакомые. Далёкая Сицилия и Франция. «Забыть Палермо» Эдмонды Шарль Ру.

Литература и история – в них как раз мама разбиралась получше «отличника» образования, совершенно точно. В древнем Египте том же – династии фараонов знала наперечёт, в

отличие от имён членов политбюро, и поклонялась не В. И. Ленину, а царице Нефертити – с тех пор, как увидела её головку в московском музее.

Почему она, Аня, промолчала тогда, позволила, чтобы чужая тётка отобрала у неё – Её на тот момент любимую книжку? Неведомая Сицилия в ней делалась так близка, что в лицо горячо дышал сирокко – блудный ветер из Африки. Окружали запахи: водорослей, рыбы, специй, жасмина... Вдыхаешь всё это богатство, а у тебя берут и вырывают его из рук, подносят к своему ничего не чувствующему носу и коряво по складам произносят: «Та-ак. За-бы-то Пале-рмо».

Учитель, не умеющий прочитать заглавие книги. Да если бы Палермо было «забыто», то и книги не было бы. В том-то и дело, что автор лишь пытается «забыть» его. Мучительно и тщетно. Её воспоминания – это и есть книга. «Память – это ад. ...память, с которой каждый день приходится бороться, но и отречься от которой нельзя...» И затем эта... учительница на букву «м», открывает книгу, будто она её, и читает вслух всему классу: «Я любил тебя, и это была наша тайна, уединение нам приносило радость»...

И тут разверзлось... Впервые обнажилось сокрытое до того: редкие мутно-жёлтые зубы с широкой щелью посередине. Улыбка, не знакомая с лицом из искусственной кожи, в тот момент прорвалась-таки наружу, рот неумело растянулся в ухмылочку, такую приторную, торжествующе-похабную, как у какой-нибудь бывалой, прошедшей огонь и воду бабёнки: да знаю, знаю я, какие вы тут все чистенькие, можете мне не рассказывать. И даже похабенько так отличница просвещения подмигнула классу. Без «тише-тише» на этот раз.

– Я никогда особо не была в восторге от... гхм. Неискренний человек ваша классная руководительница, – сказала мама, заглянув к дочке, когда та избавилась от лихорадочного состояния. – И историю она знает...

Мама сидела на «гостевом» табурете, держа на коленях журнал, из своих научных.

– Инки жили в Перу, факт, – вставила Аня.

– Вот-вот. Звание своё она получила ещё в те времена «сами не читали, но осуждаем».

В той книжке про Палермо, кстати, было что-то такое: «История может быть зыбкой, изменяющейся...»

– «...в зависимости от того, под чьим небом преподают её», – закончила Аня.

– Ты уже такие книги читаешь? – сказала вдруг мама.

«Здрате!»

– А где ты взяла эту книжку? – буркнула между прочим мама, не поднимая глаз от своего журнала, уйдя в текст уже безвозвратно.

«Ещё не легче! Так у неё, у мамы, с тумбочки в спальне и взяла её, где же ещё!»

– Ладно, мне к лекции надо готовиться.

В море книг, понятно, она и не заметила одной пропавшей капли. Настоящее бедствие – книги, журналы эти. Стихия, с которой никто в этом доме уже и не пытался бороться. Спасения нет ни на кухне, ни даже в ванной.

Ванная так вообще превратилась в любимую мамину читалку. Причём в ночную. Она сидела в ванной по ночам – надеясь, что никто не будет ей там мешать. Не только читать. И курить. Аня долго не хотела верить, так её ужаснуло когда-то это открытие. Зачем себя так мучить? Но этого как будто и не было – так курильщице хотелось думать. Никто не догадывается. Никто никогда не касается вопроса ночных бдений и не обсуждает их за завтраком.

Позднее, уже в рабочем костюме, со своим портфелем в руках, мама опять заглянула.

– Да... Не ожидала я, что такое может быть в нашей школе. Там ещё прихихешки эти были на собрании.

– Прихихешки? Это староста, что ли?

– Ну да, ещё кто-то. Всё поддакивали. Они, конечно, везде есть, у нас на кафедре тоже. Но всё же, когда дети... Тебе надо окончить у них восьмой класс, а там будем думать.

Аня чуть было не подпрыгнула в кровати, ликуя, но, пронзённая болью, тут же осела.

– Чего тут думать-то! Я ведь уже...

– Ну, тебе лучше. У меня вечерники, – скороговоркой сказала мама, быстро заглянув в портфель и быстро же захлопнув его, клацнув замками. – Не забывай полоскать.

«Не забуду... Да всё понятно. Никто ведь не будет держать на работе, если постоянно искать замену. Больше всего на свете, похоже, мама боится остаться без работы. Для неё это смерти подобно. Почему? В войну пришлось узнать, что такое голод, неужели она и сейчас боится остаться без куска хлеба, если не будет денег? Или их не хватает, потому что мама каждый месяц высылает деньги своим родителям – с их пенсии не проживёшь, а папа высылает своей маме. Или... Или что? Она просто не хочет оставаться дома? Как папа?»

Это что, всё стены делают? Что в замке – у Гамлета там все с ума посходили, что в двухкомнатной квартире – как окажутся вместе, так готовы разнести, что друг друга, что эти стены, до основания. Пока что словами».

Хотя слова иногда тоже... как только папа это выдерживает? Эту словесную мясорубку – про то, что он мог бы сделать, но не сделал, не захотел, не смог, не пошевелился, а вот Иван Петрович и Кузьма Иванович давно уже сделали то и это, и так превосходно сделали, а он, папа – ничего! Ноль! Прошляпил, не подсуетился, только и может, что в газеты утыкаться, на партсобраниях пропадать да свои носки по дому разбрасывать.

Как-то они были вдвоём с папой на кухне – он сидел за столом с газетой, как обычно, Аня мыла посуду за его спиной. Повернулась, чтобы собрать со стола оставшиеся вилки и... обомлела. Отец смотрел не в газету, держа её перед собой, а в глухую непроницаемую стену – бессмысленным мёртвым взглядом, не выражающим ничего.

«Что же у него за жизнь! Сидеть у себя на кухне таким неживым можно только... когда у человека уже совсем ничего нет – ни смысла, ни цели, ни любви, ни радости». Спасение у папы было только одно – бесконечные дежурства и частые командировки.

«Вот и мне лучше... одной. Без них. Никакой пальбы. Мирно-нежно – что-то живое было в этом звуке – журчит завод часов перед тем, как откуда-то издалека, не травмируя, серебряно пробить свой приговор: минул ещё один час жизни...»

...Это был не сон и не забытьё. Всё реально. В лицо летели холодные морские брызги – обжигали, как искры от костра. Море было северным.

– ...Взрослых, их лучше не трогать. Шекспир... а-а, ты ж его не знаешь! Он почему столкнул вас там всех, потому что это же пьеса, а какая пьеса без конфликта? И везде у него что-то неладно, что-то подгнило. Повсюду шпаги звенят налево и направо, финал – «умерли все» и мораль: месть – это нехорошо, это очень плохо для здоровья. Но таковы законы пьесы, а в жизни-то зачем повторять? Да пусть они живут, как хотят, эти взрослые.

Аня и принц датский сидели на краю каменистого утеса, свесив ноги вниз, в обрыв: её ноги в былинных красных сапожках и его – в чёрных башмаках с ажурными серебряными пряжками. Руки упирались в жёсткую высохшую траву, и пахло полынью, и, может быть, вереском. Высота утёса не большая. Хорошо были видны внизу нагромождения дремучих камней, обёрнутых в тёмный влажный мох, набегивающих на них клокочущих волн.

Только море и небо. Оно нависало так низко, что они сидели, по сути, в нём. По цвету оно было плотной дымчатой вуалью. Более тёмными пятнами по нему – грозовые тучи. К рокоту волн примешивался гулкий звук угрозы оттуда, из этих туч.

Море, обозлённое на что-то или кого-то, неугомонное, рыщущее туда-сюда – до самого горизонта. Море – море – больше... Больше, чем вода. Больше, чем могут увидеть наши глаза. Чем они манят нас, чаруют эти моря – загадкой? Легко могут погубить. Но без морей невозможно представить Землю. Как жизнь без любви?

Принц сидел, согнувшись, глядя вниз на камни. Лица не видно, завораживало кружево на его манжетах – колыхалось на ветру как живое. От него, как будто просветлело на миг в хмуром

королевстве. Аня в своей школьной форме, с непокрытой головой – волосы разлетаются, не заколотые, поёживаясь от ветра, произносила речь, странно длинную для неё. Впрочем, и не странно, если учесть, сколько уж лет она часами мысленно говорила с принцем.

– Вот ты называешь своего отца благороднейшим из людей. И что он сделал – для единственного сына? С какой стати? Почему вдруг тебя, поэта и мечтателя, надо было превратить в убийцу? Он мог бы отомстить и сам – запросто. Явился бы напрямую к Клавдию или к бывшей жёнушке, сказал бы им: «У-у! Чума на вас!», или что-нибудь такое. И всё. Этого хватило бы – для другой трагедии. А ты бы писал мадригалы, играл на флейте или на лютне – это твоё. А то – саблей махать! Чапаев ещё тоже! Живи своей жизнью, а не чьей-то. Никто тебе не указ. Принц ты или где?

– Не саблей, а шпагой, – с некоторой неуверенностью возразил принц.

– Да какая разница!

– Жаль... Я не слышал этого раньше. Про лютню... про всё. А нам вот-вот уже предстоит расстаться. Почему мы не встретились до того как... – принц выпрямился, и его бархатное плечо коснулось плеча Ани.

– Почему? Да потому что это невозможно. Это невозможно и сейчас. Ой... а правда, как это... Мы, я и ты... здесь? Ерунда какая-то.

Аня засмеялась, хлопая себя по лбу. Смех был глупейшим и радостным, непонятно с чего. Да с того, должно быть, что теперь они сидели совсем близко, и их плечи были прижаты друг к другу. Волной прокатилось по ним тепло. И ветер уже не так страшен, и гроза...

– Конечно же, невозможно, – продолжая смеяться теперь нервным прерывающимся смехом, похожим на всхлипы. – И до того ненадёжно... – смех оборвался. – Как бабочка в последние минуты жизни. Отпущено-то ей... Какой-то день. А мне надо сказать тебе всё-всё. Ты вот никогда не думал, что сироты это не только те, у кого нет родителей. У меня, например, есть мама и папа...

– Я понимаю, о чём вы.

– И тебя разве не кинули твои родные? Ты им никто – в своей семье.

До Ани вдруг дошло, что она говорит принцу «ты», в то время как он ей – «Вы». «Да ладно. Он понимает меня! Даже на русском».

– Только когда я была совсем маленькая, я помню, я знала, что такое счастье. Меня просто заливало им, как морем, тёплым, южным. Было у тебя такое? Когда мама берёт тебя к себе на колени, маленького, ты руками обнимаешь её за шею, прижимаешься и целуешь, целуешь её бесконечно... А она тебя.

Принц повернул к Ане лицо – совсем мальчишеское, Саши из параллельного класса. И оно было так близко. Светлые прозрачные глаза смотрели чуть удивлённо, с почти детским доверием и теплотой – как смотрят на давнего друга. Губы приоткрылись...

– Да... – ошеломлённо произнёс он.

У Ани перехватило дыхание... С таким чувством было сказано это «да». Глаза и губы приблизились. Ей показалось... Но это же невозможно – новое внезапное отрезвление заставило её опустить глаза и резко отвернуться. Волосы упали завесой на лицо. Заговорила тише, медленнее, как бы вслушиваясь в собственные слова – действительно, это говорит она? Сидя при этом на краю обрыва рядом с... другом, которого знает давно.

– И... это даже было не просто счастье. В книжке одной по древнему искусству я видела такую греческую икону: Madonna Glykofilussa – Мадонна Сладколюбзающая. Прямо как я с мамой когда-то. Вообще, когда рисуют мадонну с младенцем, знаешь, в чём там дело? Младенец, как и я тогда, чувствует как раз вот это: святость. Да, такое чувство – абсолютной святости. Трепет. И непревзойдённость любви. Ничего выше и прекраснее. Любовь и есть божество: в младенчестве – мать для дитя. И больше ничего не надо.

– Всё, что нам надо... Как это верно!

– Да. Но мама... Она почему-то стала останавливать меня. Отрывать мои руки от себя. Гнать. Я не понимала, почему. Совершенно. Нет ведь ничего больнее – когда твои руки отрывают, с силой расцепляют и отбрасывают, как ненужные, твои любящие руки.

Принц смотрел вдаль, куда-то за край моря. Молча.

– Раньше из-за болезни мне очень много переливали крови – чужой, незнакомых людей. Может, моей собственной и не осталось. Не заметила, как сама перестала тянуться... к маме. И знаешь, как быстро из трещинки вырастет пропасть. Я даже начала сомневаться, правду ли мне сказали, что меня тогда удалось спасти. Возможно, я умерла, и меня подменили.

– Что за идея!

– Просто, глядя на родителей, я... я часто пытаюсь понять: правда ли, я ИХ дочь?

– Проблема стара. Кто из нас может ответить на вопрос: кто я, что я? Если один человек – это всегда несколько. Но вы... вы ещё совсем дитя для таких вопросов, мне кажется, – слегка улыбнулся принц.

Аня невольно улыбнулась тоже, смутившись, что ли. «Всё это ваши Шекспиры да Мопассаны».

– Я уже в восьмом классе.

– А ваши родители, они крестьянского сословия? – спросил вдруг принц, разглядывая её коричневое школьное платье.

– Нет, почему это? Они... у них дипломы инженеров, – изумилась теперь Аня.

– Вы, конечно, никакая не крестьянка. Скорее – служительница Терпсихоры, судя по изяществу. Вот только... этот фартук...

– Это форма. Мы все в таких ходим.

– В одинаковых? Как войско?

– Ну... такая форма. Это школа у нас... долго объяснять. Зато у тебя твои манжеты, они такие... как из сказки. У меня тоже они есть – видишь, но они простые. Просто белые, я их сама пришиваю к платью.

– Возьмите мои, я буду счастлив.

Он рывком вытянул рукав тонкой шёлковой блузы, спрятав внутрь кисть руки.

– Держите!

Принц показал, как Аня должна держать рукав за край кружева в натяг, а свободной рукой достал из-за пояса кинжал. Быстрым движением отхватил конец одного рукава и так же оттяпал второй.

– Ой! – Аня провела воздушным кружевом по лицу и закрыла глаза.

– Мне давно кажутся неуместными все эти кружева на моём костюме. Так намного лучше. А тебе нравится твоя униформа?

– Я её ненавижу!

«Вот и он перешёл на «ты»!»

– Тогда зачем её носить? Лучшее избавление от чего-либо – предание воде.

– Да я только и думаю, куда бы её предать, эту форму, особенно фартук.

Аня положила манжеты под небольшой камень, чтоб не улетели, и, расстегнув на боку фартук, рывком стянула его через голову. Широко размахнувшись, со всей силы швырнула его вниз, в кипящие волны.

– Мне давно кажутся неуместными эти дебильные фартуки! – пересиливая ветер, прокричала она, злорадно провожая взглядом летящую вниз чёрную тряпку: вот сейчас она шмякнется на камни, и её навсегда смоеет волной.

Прогремел гром!

Аня вздрогнула. Всё-таки гроза? Открыла глаза, озираясь. Опять гром. Что-то грохнуло в прихожей их квартиры. Действительность в момент вернула всё на свои места. «Я же дома совсем одна!» Громкие шаги направляются в её, Анин, закуток... И Гамлета нет рядом, нет

никого. Она в ужасе приподнялась на локте, ища глазами, что бы схватить потяжелее – безнадежно. Под руку попала только книжка. Сердце замерло, больная едва не вскрикнула...

Из-за шкафа высунулось краснущее Танькино лицо, рот до ушей, зубищи блестят белющие.

– Ну как ты тут без меня?

– Ты! Да ты... Как же ты меня напугала! – Аня без сил откинулась на подушку, прижав к груди орудие самообороны, «Большие надежды» Диккенса.

– Мне же твоя мама ключи дала. Чтобы тебе не вставать.

– Ну, говорила она... Что ж греметь-то так?

– Да не гремлю я, ну дверью хлопнула – случайно. Ну, портфелем промахнулась – кинула на стул, он упал. Случайно.

Аня на мгновение прикрыла глаза, пытаясь ухватить остатки... сно-свидания. Тщетно.

– Думала, фартук разбился, так грохнуло... Из-за тебя даже не попрощалась. Ох! И манжеты остались на скале.

– Ты случайно не...

– Случайно.

– Вот что значит, укольчика давно не делали. Манжеты! Лежала бы уж да вовремя готовила половинку.

– Они были такие... сплошной свет, – продолжала Аня с закрытыми глазами. – Как только они могли творить такое в свои тёмные века? Ну да, вот они и творили сами себе солнце – кружевом, вышивкой жемчугом, витражами...

– А ты-то сама: не говоришь – прям гладью вышиваешь. Не хочешь ли случайно заговорить мне зубы? – с притворно-сладенькой интонацией поинтересовалась подруга.

– Случайно. Ты – ангел-копыеносец. У тебя не иглы, а копыя. Я уже ходить не могу.

– Иглы как иглы, задница у тебя больно нежная, малахольная. А глаза у тебя не болят, случайно? За книжки уже схватилась, жить без них не можешь?

– Я давно заметила, медработники ведут себя как какие-то генералиссимусы, просто обожают командовать беспомощными больными, как своими солдатами.

– Давай, переворачивайся на живот, больная, пока я тут буду готовить.

Танька ушла кипятить шприц.

– Кого я сейчас видела, не поверишь! – прокричала она из кухни.

«Господи, да кого же? Неужели Принца? Да она ведь не знает...»

– Вовчика нашего, Скорого.

«Час от часу не легче!»

– Что, ему в тюрьму захотелось?

– Сначала его ещё поймать надо.

– Вот мы с тобой уже знаем, что здесь он, увидит кто-то из прихихешек, сдадут тут же.

– Да что он, дурак, что ли? Тогда убежал, и сейчас убежит.

Медсестра в готовности номер один со шприцем наголо.

– Больная, готова? – виртуозно фонтанчик лекарства из острия.

Аня обреченно откинула одеяло.

– Все медики – садисты.

– Ещё какие! Как засадят, засадят...

– Ой-ёй-ёй! Я бы никогда не смогла – взять и проткнуть живого человека иглой.

– Ага, ждала бы, пока помрёт?

– И циники, – готовая заплакать по-настоящему, причитала Аня. – Вижу я, с каким удовольствием ты это делаешь – мучаешь меня. Потом нужен будет курс лечения попы после этих уколов. Чтобы она не отвалилась.

– До свадьбы заживёт твоя попа.

- До твоей, может быть. Но не до моей.
- Это ещё почему?
- Да зачем это нужно, вообще, только чтобы быть, как все? А потом мучиться?
- Ещё чё придумаешь? Свадьбы отменить, значит? Да? Ну тогда и тебя бы не было!
- Ну, не было бы, подумаешь. Никто бы и не заметил. Да мама всегда говорит: «Я тебя не хотела! Отец уговорил». Никто бы сейчас не болел, чушь не городил бы.
- Сама ведь понимаешь...
- Ай, да почитай Мопассана, всё он давно сказал: когда им надо завоевать, они способны на всё – такую золотую пыль в глаза пустят и в стихах, и в чём угодно. Как только добьются или женятся, того хуже, всё! Что дальше? А дальше неинтересно. Скучно, господа. Начинают себя развлекать: изменами, или игрой, или пьянством. А женщины должны всё это терпеть. Страдать и терпеть.
- Мопассан твой – дурак какой-то малахольный, что всех по себе равнять?
- Да, он плохо кончил, вообще-то... Но писал он правду. Реализм это называется.
- Правда разная бывает, – Таня была непревзойдённым мастером «последнего слова». Аня попыталась перевернуться на спину, но снова запричитала от боли.
- Там одни шишки у меня. Нет, всё, это был последний раз, я больше не выдержу.
- Думаешь, почему я терплю это балаканье? У трусов это защита такая – несут чушь, сами себя отвлекают. «Не выдержу»! Что, в больницу лучше?
- Аня замолчала, растирая уколотое место.
- Вот правильно, массируй, давай.
- Тань, ну ты же понимаешь, действительно, чушь я несу. Что бы я без тебя делала? Я тебе так благодарна.
- Ладно, ладно, не задобришь, всё равно завтра приду, – засияла зубами Танька. – Да и мне что за выгода, что ты хвораешь – у кого списывать-то по русскому, по английскому, а? Ой, а вдруг он вернулся, чтобы отомстить классной?
- Танька собрала весь свой инвентарь и направилась в ванную.
- Вовчик-то? Да больно ему надо. Он тогда повеселился на всю катушку, она и так не забудет до конца дней своих. Как она хотела выгнать его из класса, помнишь?
- По накалу тот диалог учителя и ученика был столь патетичен (стараниями ученика) и развязка гротескно-драматична, что всё это просилось на бумагу. Ане как раз поручили соорудить тогда очередную стенгазету. Она и запечатлела это событие школьной жизни, как могла. В стенгазету, правда, помещать не стала. Во избежание.

Пирамидой по нафталину

Действующие лица:

Вова Скорин, по кличке Скорый, известный в школе хулиган и второгодник: невысокий, по-спортивному ловкий, мускулистый, лицо разухабистое, весёлое, вихры нечёсанные, торчащие, прокуренный басок, руки по-взрослому крупные, сильные, с желтоватыми от табака пальцами.

Историчка, классный руководитель: Жердь искусственная с указкой.

Ученики 7-го класса.

Кабинет истории в школе.

Вова: А почему я должен выходить из класса?

Классная: Потому что это Я тебе говорю: выйди вон!

Вова: А кто это – я?

Классная: Я – ваш учитель.

Вова: Вы – учитель? Правда, что ли, не врётё? (Глумливо смеётся.) Да вы хоть знаете, кто такой учитель? Это не тот, который ходит с указкой и вбивает в головы какие-то даты.

Классная: Ах ты!.. Бандит! Ты будешь меня здесь учить! (Замахивается на ученика указкой, он увёртывается, вскакивает на парту, учитель пытается его достать, тот прыгает с парты на парту. Класс смеётся.)

Вова: Учитель открывает новое и заражает им, как болезнью, да. Ученики жить не могут без нового, оно у них везде застревает – в мозгах, в почках, а старому говорят – да пошло оно... На уроки, как на праздник. А на ваши уроки нужны подушки – бесплатно. Всё равно все дрыхнут, но не удобно, жёстко на парте. И ни у кого ни в каком месте ничё не застревает. (Ученик перестал прыгать по партам, остановившись на одной из них, принял горделивую позу монумента – довольный собой.)

Классная: (кричит) Замолчи, негодяй! (Судорожно машет указкой, будто хочет прихлопнуть муху.)

(Ученик, совершив акробатический прыжок, перемещается с парты на вершину стенового стеллажа, оттолкнувшись от его полки. Располагается там в позе фавна на послеполуденном отдыхе – лёжа на боку, подперев голову рукой.)

Вова: (хохочет). Учитель! Да таких учителей за шкирку и на солнышко – проветрить от нафталина. Я бы прямо лично на верёвочку и развесил, дышать-то нечем (жестикულიруя свободной рукой, показывая, как бы он развесил).

Классная: (перестаёт махать указкой). Я сейчас милицию вызову.

Вова: Валяйте! Только пусть они со своими подушками придут – предупредите. Обязательно. Мне тут подушечку надо. Без неё пусть не приходят, скажите – Я не велел. А кто я такой? Ну спросите, спросите! Я – ученик великого учителя, который без милиции не справляется со своими учениками.

(Учитель складывает указку и покидает класс на прямых ногах. Вовчик спрыгивает вниз и быстро организует перестановку мебели. Все парты сдвигаются в середину класса, потом ставятся друг на друга в пропорции пирамиды – широкое основание, кверху уже, наверху стол учителя. Вовчик вскарабкивается к вершине и куда-то там втыкает ритуальную указку вместо шпиля. «Пирамида Вовчика. 8 «В», XX век».)

И это не конец. После представления классная добилась решения педсовета о помещении означенного учащегося в спецшколу для избранных – трудновоспитуемых. Учащийся не стал дожидаться исполнения решения и смылся в неизвестном направлении из города. Спросить было не с кого: отца у него, говорят, отродясь не было, а мать вроде была, но вроде её давно уже никто не видел. Вслед за Вовой Скорым были подчищены ещё кое-какие его приятели, и стало в классе прилично и безопасно.

С тех пор, между прочим, классная никого больше из класса не выгоняла.

«Ах, так вот ещё откуда у неё такая неприкрытая "приятнь" ко мне. Только дошло. От её незрячих глаз не укрылось то, что главный бандит и бузотёр питал к хорошистке, близкой к отличнице, какие-то свои бандитские чувства». Для хорошистки в том не было ничего, кроме – чего ради? Но во время возведения пирамиды она веселилась от души, если честно – восхищалась остроумием и дерзостью. Двоечник не боялся искусственной ни капельки! Выступление его казалось блестящим, а главное, справедливым. И больше ни у кого не хватило бы духу такое повернуть.

И не так уж хулиган докучал своими «чувствами», и вовсе не стремился демонстрировать их при всём народе. Классной могли настучать прихихешки. Один-два эпизода всё же были.

На перемене как-то Аня просто шла по коридору, а у окна стоял Вовка с каким-то верзилкой из старшего класса. И этот конченный двоечник, завидев её, стал чего-то говорить своему приятелю, пялясь в упор на Аню. Рожа у него при этом была счастливо-наглая такая, горделивая даже, будто он хвастался каким-то удачным овощем, который сам вырастил на грядке, и

кореш его тоже посмотрел на Аню – внимательно, и одобряюще так окинул взглядом с ног до головы: ничё так овощ, годный!

Аня под взглядами этих двух, не мальчишек-одноклашек, а... мужчин – их взгляды прощупали её всю и оставили без одежды – стала цвета своих сапожек с загнутыми носами, чувствуя какое-то преступное возбуждение и слабость в ногах. С большим трудом преодолевая эту слабость – только бы поскорее скрыться от этих... – ринулась в конец коридора, укрывшись в туалете.

Непонятно, как она сподобилась добежать до него, потому что и в нём продолжалась эта престранная стыдоба, отдающая сладостью, хоть убей! Зеркало над раковиной убеждало в том, что действительно можно покраснеть если уж не «до корней волос», как пишут в романах (кто-нибудь, вообще, видел корни волос?) – то до их начала на лбу и висках. Лицо краснеет вместе со лбом, факт. А глаза при этом... а глаза блестят.

Из убежища довольно быстро выгнало застойное туалетное амбре. Но уже невозможно было зачеркнуть или отмахнуться от того нового, что только что свалилось вдруг откуда-то из неведомой ей взрослой жизни – удовольствие от знания того, что... ею любят, а они любовались, гады! И что она нравится. Что она нравится, как... да ну, какая там женщина, как девушка. И что такое состояние даёт наслаждение. И, возможно, для многих это становится целью или проклятием всей жизни – охотиться за этим наслаждением.

Вернувшись в нормальное, девочкино, состояние, она, конечно, провела среди себя воспитательную беседу: что это чёрте что и с боку бантик – ведь он-то ей не только не нравится, но вообще. Да он же... Курит, пьёт, шляется всюду со своей шайкой-лейкой, с которой они, может, и воруют. И дела ей нет до того, какая у него там неблагополучная семья. Такому она не очень-то и нужна. Живёт сам по себе, что хочет, то и творит. Ну, спортом, правда, занимается, но кому от этого легче?

Но вскоре после того произошло нечто, какие там двоечники! Аня увидела фильм «Гамлет».

Танька вернулась с вымытыми инструментами, сложила их аккуратно в железный «сундучок инквизитора» и присела отдохнуть на свой законный табурет у постели больной.

– Но вот чего не понять – не берегут они свои головы, эти сорвиголовы, совсем, – в раздумье проговорила Аня. – И чего припёрся?

– Да ты о нём не волнуйся. Ничто с ним не будет. Может, он и сорви-, но и вари-голова тоже. Ты давай, о себе. Чтобы завтра встала и бегала!

Аня разулыбалась, приподнялась на локтях и попробовала сесть. Улыбка тут же превратилась в гримасу боли.

– Я б с удовольствием. Знаешь, как я не хочу больше болеть! Никто ведь так в классе больше не болеет. Я, знаешь что? Я запишусь в бассейн! Буду закаляться. Давай запишемся?

– Давай! Если тебя возьмут.

– Ой, ну ты, как моя мама. У неё только: туда тебя не пустят, туда не возьмут.

– Справка же нужна.

– Ну и что!!! Справка или жизнь?!

Позор принца

Болезни хороши тем, что заканчиваются. Выкарабкиваешься, как из вороха каких-то душных старых тряпок на свет божий, будто бы даже обновлённый. Вместе с радостью выздоровления ещё и... осторожность. Ты будто гость – не забыли ли меня здесь? Огорчать никого не хочется. Танька всерьёз вжилась в роль сестры милосердия и вызвалась сопровождать не совсем окрепшую Аню до школы.

– К бисам! Тебя ж держать надо, чтоб ветром не унесло.

– Не унесёт. Портфель тяжёлый. О! Смотри-ка, ёлочка, как по заказу.

Посреди той самой снеговой пустыни, которую видно из школьного окна, стояла ёлка. Довольного чахлого вида, и игрушки так себе, картонные рыбы да бабочки, но всё же. С ней уже повеселее.

– Все каникулы тут. Серёга притащил из дому – они, представь, выбрасывают ёлку сразу, как новогодняя ночь пройдёт, берут и выкидывают вместе с мусором, – объясняет Таня. – Про тебя спрашивал Серёга, когда выйдешь.

– Какой Серёга?

– Нет, ты чё, совсем уже? Может, вообще никого уже не помнишь, кто в твоём классе?

– А-а, Шалагин, что ли?

– А-а, что ли! – передразнила Танька. – Человек влюблён в неё с пятого класса, а она...

– Что-о? Вот придумывать! С чего это ты взяла?

– У меня глаза есть.

– У меня тоже есть.

– Только смотрят не туда.

«Это точно. Глаза мои смотрят кино. Всю дорогу».

Как всегда после долгого перерыва вестибюль школы показался незнакомым. Бледнее стал, что ли? Мельче? «Он болел вместе со мной? Или я стала больше?»

– По физике вырубал. Звонить в скорую тогда – он побежал, – гнула своё Танька. – Из учительской вызвал.

– Не знаю. Ни разу он даже и не заговорил со мной.

– Заговоришь с тобой. Я тебе не зря тогда сказала – вид у тебя такой.

– Какой?

– Какой, какой... Не знаю. Как будто ты случайно здесь. Шла-шла куда-то, а занесло вдруг сюда.

Захотелось плакать. Не из-за Сергея, а из-за... Ну что это вообще такое! Что я им, действительно монстр? Или пугало? Всех отпугиваю.

– А почему ты...

«А почему это она вдруг так хорошо помнит случаи внимания этого Шалагина?»

– Что «почему»?

«Да потому что она сама... вот почему. Зачем только меня приплела? Выдумщица».

– Да нет, ничего.

«Эх, Танюха... Бесхитростная душа». Аня посмотрела на подругу новыми глазами. «Ведь никогда ничего не говорила мне. За все годы. Не доверяет? И я тоже ей ничего не рассказываю. Вот те раз, подруги».

Они повесили в раздевалке свои пальто и шапки.

– Уй, ты же фартух забыла! И так тощая, а без него вообще... Чё, теперь домой возвращаться?

– Дома его нет. Да ладно, фартух, фартух. Подумаешь.

Аня заторопилась было, не желая больше ничего слышать ни про какие «фартухи». Но потом остановилась напротив Таньки, глядя ей в лицо. «Конечно, нравится ей этот мальчишка, она могла бы возненавидеть меня, если сама верит в то, что придумала, а она... Больше нет таких подруг. И вообще, больше нет у меня никого. И с призраками пора кончать».

Аня шагнула к обомлевшей подружке, робко приникла, уткнувшись носом в плечо, и из её глаз вдруг потекли ручейки.

– Ань, ты чё?.. – тихим голосом спросила Таня, осторожно, будто та из стекла, обнимая подружку в ответ.

Аня подняла лицо, улыбающееся сквозь слёзы:

– Ну, хорошо же всё? Болезнь эта так надоела. А сейчас было, как в детстве.

– Ага, здорово. Я не ожидала вообще... Это ты выздоравливаешь, значит, совсем.

– Дальше некуда. Ты даже не знаешь, какая ты... хорошая и просто бесподобная!

Танька смотрела на Аню совсем сбита с толку, потом прижалась к ней и глубоко вздохнула, не удержавшись от двух-трёх слезинок, рёвой она не была.

В раздевалку ворвались реактивные первоклашки, чуть не сбив подруг с ног. Расцепившись, те стали смеяться, вытирая лица ладошками.

– Сестричка, дай платочек.

– А нетути. Могу только укольчик.

Аня двинула подружку портфелем по коленкам – не сильно. Смеющимися они вошли в свой класс. Ещё бы чуть-чуть и опоздали. Может, и к лучшему, что под завязочку. Оглушил звонок, и они торопливо уселись за парту. Никто ничего не успел спросить про фартук, однако активистки не преминули просверлить подруг недобрыми взглядами.

«А, пусть спрашивают. У меня ответов – на любой вкус и цвет. Фартук напился пьяным и упал с обрыва, его унесла в клюве гагара, или буревестник. Денег у родителей на новый фартук нет, только с полочки. Или что цыганам проиграла в карты, скажу. Или было видение дедушки Ленина: в красном кафтане и сапогах с гнутыми носками, страшным голосом тот молвил: «Во имя победы нового над старым – не надевай больше никогда этот фартук, девочка!» Или...

– Опять ты ничё не видишь? – зашептала Танька.

– Что?

– Та, с тобой бесполезно, – и она отрешённо посмотрела куда-то через ряд от них.

Аня достала очки, протёрла их краем платья. В той стороне, куда смотрела Танька, сидел Серый, как звали его другие мальчишки из класса. «Ну что, что в нём? Причёсочка «под бокс», нос картошкой, средней лопухости, рост, правда, ничего».

– Слушай, мне нравится совсем другой... Не из нашего класса, – прошептала Аня. – Потом расскажу.

«А что же я ей расскажу? «... нам предстоит расстаться». Говорить-то и не о чем. Лучше спросить про неё, вот так взять и прямо спросить – это же ты влюблена в него с пятого класса? В этого Серёгу?»

Про фартук не спрашивали ни в тот день, ни в последующие, только косились, будто не знают, кто такая, эта бесфартучная, и как затесалась в их нормальный класс. Это что. Молчала и классная! Гамлеты – тень отца и сын его, Гамлет Гамлетович – скооперировались и наслали на всех на них порчу?

Обнаглев, Аня решила воскресить и дарованные милостью принца манжеты, с утратой которых смириться не могла. Когда-то у бабушки был древний наряд из кисеи с кружевом. Блузка от него отыскалась быстро у неё в сундуке, и участь её тут же была решена. Бабушка не надевала её последние лет тридцать, и в следующие тридцать тоже надевать не будет, даже если захочет. Аня взялась за ножницы...

На рукавах «инкубаторского» платья расцвели невиданные цветы – пышные трёхслойные манжеты из тонкого кружева. Одним им на платье было ни то ни сё, вот ещё и с таким же воротником-жабо – другое дело.

«Обалдеть! Теперь точно на педсовет поволокут», – с довольной улыбочкой доложило Анино отражение в зеркале.

И опять ничего. Только подружка и оценила: «Уй! Гарнейшие! Где взяла? Теперь похожа, знаешь, на кого?» Но потом так и не сказала, на кого, напустила загадочности, иногда она это любит: «Сама знаешь».

А на следующий день на перемене Аня заметила спускающуюся по лестнице Милу и сначала не поняла, что с ней не так. Копна на месте, сменная обувь на ней. Однако кое-что в ней было очень даже не так! На родственнице директора школы не было священного фартука! Платье, и всё. Протирай глаза, не протирай... Дальше больше. Вскоре и другие девочки из её класса стали появляться в школе «нагишом».

Всё объяснила из своих источников, как всегда, Танька. Оказывается, с этой четверти вышла новая бумага по их школе, секретная, должно быть, в которой вносились изменения в форму одежды для старшеклассников, начиная с восьмого класса. В одежде мальчиков допускались костюмы синего и чёрного цвета, а в одежде девочек – платья тех же цветов без обязательного ношения фартука.

Никто, конечно, знать не мог, кого надо благодарить за эту революцию в школьной моде. Кроме одной девочки. Ему и обязаны старшеклассники: отважному принцу датскому, мятежно не одобрявшему униформы. Он, как видно, явился к директору школы в «послеурочье», когда никого уже не было в школе – в своём бархатном камзоле, и с порога заявил: «Фартукам – не быть!» И коснулся рукой кинжала на всякий случай. Других вариантов не было.

... – Ещё не знаешь? Этот опять отчебучил. Нет, он допрыгается! – звонит Танька как-то поздно вечером.

– Кто, Вовчик, что ли?

– Ну, слонялся там, колобродник, с друзьями возле школы, поджидал кого после уроков, чи шо, я только вышла, смотрю – он там, за воротами, и подкатывает вдруг к мальчишке из 8-го «Б», профессор такой прилизанный, с Милой они ходят...

– И что?..

Танька вдруг замолчала.

– Что?!

– погоди, чайник выключу. ... Ну что, что, Вовчик, наверно, попросил у него закурить – вежливо. А тот, представь, как бросит свой портфель, и дёру!

– Что за?..

– Побежал назад в школу, как скаженный, меня чуть не сшиб, сам весь трусится. Меня, конечно, так просто не сшибёшь...

– Ну это же... Не трусится, а трясётся. Может, он забыл чего-нибудь в школе?

– Трус же, значит, трусится! Ага, забыл он там, что трусом быть неслава. Ну, Скорый и все его ржут там за оградой. Я когда проходила мимо него, он ко мне: «Что ж ты без подруги?»

– А ты что? – затаив дыхание, спросила Аня.

– Разбежалась я с ним разговаривать! Покрутила у виска, да и всё. Знаешь, как он меня обзывал раньше – женщиной в русских селеньях.

– Завал! Это вообще... совсем не классика какая-то. Пятки, значит, сверкали? А я когда шла с английского, никого там не было, всё спокойно.

«Хорошо, я этого не видела. Ещё трусливее меня? Бывают и такие? Это ж ни в какие ворота – драпать. Ну да, шпага была не при нём. В металлоремонт сдал на заточку. Не читал он, конечно, никакого Шекспира: «Труссы много раз умирают до наступления смерти». А почему,

интересно, этот махровый хулиганище вот как раз к нему подкатил, к этому круглому принце-отличнику, который ни разу и не принц?..»

Самая красивая девочка самой средней школы

Революционный дух тем и опасен – только разожги, ему потом всё мало. Что там фартук, надо покончить и с другим ярмом – музыкалкой. «Пианиста из меня всё равно не выйдет, чего зря мучиться и мучилку мучить». Непреодолимый гнёт сгибал Аню чуть ни пополам, стоило сесть за пианино. Спина превращалась в горб, как у её учительницы, руки не слушались. Какая ещё ошибка – считать тонкие пальцы музыкальными. Главное – они должны быть сильными. А какая сила, если горб? Да ещё вязкий ягодный сироп в жилах. Руки бросают игру, плетью ложатся друг на друга поверх клавиатуры, на них бессильно опускается голова.

Мама, услышав, на секунду остолбенела. А в следующую, вмиг раскалившись, исторгла сноп огненной лавы. Вот так просто взять и зачеркнуть несколько лет усилий – её, главным образом!.. Накрывало, утрашало и полыхало долго. Дочь, хоть и с пылающими щеками и ушами, поправ пепел, стояла на своём. Кто и как будет догонять сразу и в музыкальной, и в нормальной после пропусков? И ещё, край, надо записаться в бассейн для закаливания – так сказал врач (так сказала Аня, потому что читала в «Науке и жизни», а врач не сказал только по своей отсталости). Бассейн важнее для здоровья. И постепенно, со скрипом, но он победил. С музыкальной школой, даже не верилось, но было покончено. Мама, понятно, этого всё равно никогда не простит.

Справку оказалось получить раз плюнуть, купальник и шапочка нашлись легче лёгкого, и пожалуйста: два раза в неделю в пять часов ходи и плавай как рыба. Когда хочешь чего-то по-настоящему, никаких сим-символов не надо: достаточно встать с кровати или с дивана, потопать туда-сюда, куда надо, с серьёзным видом – чтобы все видели, как это серьёзно – и двери открываются сами.

Бассейн был настоящим, спортивного клуба «Динамо». Весь бело-кафельный снизу доверху. Дорожки, тумбочки для ныряния и вышка для прыжков – с двумя уровнями. Со среднего прыгали спортсмены с юношескими разрядами, с высокого никто не прыгал – подросткам было строго-настроено запрещено.

В группу ходило всего человек восемь – все старенькие. Одна Аня новенькая. Приняв, как положено, душ, все выстроились у бассейна. Тренер был лаконичен с наставлениями, и «старенькие» резво, немного показушно, попрыгали в воду – кто с тумбочек, кто с бортиков. Аня ни с чего такого прыгать не собиралась, окунуться в воду – задача самая не простая из всего плавания. Страх врезался, по-видимому, навсегда.

Ей было лет десять тогда. Лето, городской пляж. Они заходили в воду одновременно с той девушкой. Ане бросился в глаза яркий оранжевый, в полоску, купальник бикини (ей-то самой ещё нечего было прятать в лифчик). «Какая сегодня холодная вода!» – сказала девушка с вызовом, и лицо у неё было весёлым. День был на удивление жарким, народищу полно. Но в сибирской реке вода теплеет, хорошо, к середине лета, а то было его начало. А девушка всё равно пошла вперёд, обогнав Аню. Та стояла по пояс в воде, дрожа: ни туда, ни сюда. Попыталась найти глазами храбрую девушку... Неподалёку она увидела в воде – спину. То есть и всё остальное тоже, но почему-то именно эта спина... Тело в оранжевом купальнике в полоску колыхалось на поверхности воды лицом вниз.

Кто-то закричал первым – страшный вопль, знак непоправимого. Её вытащили на берег, на голый песок. Кто-то делал искусственное дыхание – долго, бесконечно долго. Она начнёт дышать, вот сейчас... Ведь только что Аня слышала голос девушки: «Какая сегодня холодная вода!» Казалось, он продолжал звучать над пляжем, над сбившейся в кучу толпой вокруг молчаливого тела. Нет... Бывшее светлым тело, не успевшее загореть, синело на глазах. Разве такое может быть? Только что это была девушка. А теперь кто? Или ЧТО? Неодушевлённое. Просто тело. Значит, просто тело – ничто? Как это? Девушка пришла искупаться в жаркий день.

Никому не делала плохого. Могла чувствовать, смеяться, говорить. А через минуту – ничего? И ей теперь не нужно – ничего. Её оранжевый купальник в полоску не нужен больше, и ничего не нужно на всей земле. Так не бывает!

А если так бывает, то и с любым из нас тоже... В любой момент.

Солнце палило, как в насмешку – безмозглая адская печь, лучи его придавливали сверху свинцом. У Ани подкосились ноги: «Заткнись! – Не видишь, что тут?» Не мысль даже, а беспомощное чувство: «Как можно жить, если рядом она? Которая превратит тебя в ЭТО»... Приехавшая скорая втянула в себя то, что лежало на песке, и увезла.

...Пловчиха с волнением подошла к краю бассейна – тонюсенькая, как только что посаженный саженец в своём красном трикотажном купальнике. Металлическая лестница была ледяной, спуск происходил с нешуточным зависанием на каждой ступеньке.

Вода тоже не была тёплой. Преодолев дрожь, Аня поплыла своим вольным полу-кролем, полу-лягушкой и немного сажёнками, как показывал когда-то папа. Он хорошо плавал, говорил, помогает Языков: «Там, за далью непогоды,/ есть блаженная страна: не темнеют неба своды, не проходит тишина./ Но туда выносят волны только сильного душой!...»

Холода больше нет. С каждым движением наполнял восторг – вода обнимает, держит тебя, ты плывёшь и, если повернуть голову, видишь за сплошной стеклянной стеной горы снега, заиндевелые деревья и заиндевелых людей, закутанных по самые глаза. От этого так весело! «А вдруг бы я родилась рыбой? А что, нормально. Даже интересно было бы по-быстрому пройти цепочку от амёбы – она мне точно родственница: простая, тихая, ни с кем не спорит».

Все мы выползли когда-то на сушу из воды, без вариантов. Иначе никто не научился бы плавать. И каждый раз, входя в воду, как будто окунаем себя в то необозримо глубокое прошлое, которого не достать ни зрением, ни памятью, но на которое откликается наша кожа и всё тело – радостью слияния, мурашками удовольствия. Руки, ноги становятся плавниками, плещутся в родной стихии, счастливые. Ведь нам было хорошо – тогда, в тех тёплых водах в нашем наираннейшем детстве.

Тренер, убедившись, что Аня плавать умеет, предоставил ей и дальше делать это самостоятельно. А ей того и надо. Чтобы не мешали. Чтобы наслаждаться: даже неистребимый бассейнный запах хлорки не мешал, но волновал, щекоча ноздри; необычная гулкость звуков – голосов, плеска воды, свистков тренера – всё было волнующим и не похожим на добассейновые будни.

И потом, после купания – идти по улице. Волшебство. Вечер, белоснежные аллеи под жёлтым сливочным соусом, разлитым огнями фонарей, – дорога через небольшой сквер. Дышится вкусно и легко, в сто раз легче, чем до бассейна. Ощущение сверхчистоты после нескольких вод делает тело совсем лёгким – ещё чуть-чуть и полетишь... Разнеживающая усталость в мышцах. И продырявленные уколами ягодицы больше не болят. В любой мороз после бассейна нисколько не холодно.

Танька филонила. Справку ей, видите ли, некогда взять. Медсестра, называется. Никого из класса тоже не было. Никого знакомых. Тем удивительнее было однажды услышать во время заплыва: «Смотри, смотри!», – мальчишка, плывущий по соседней дорожке, яростно обдав её фонтаном брызг, выплеснув чуть не полбассейна, показывал куда-то вверх.

Аня удивилась, но посмотрела. И удивилась ещё больше: на десятиметровой вышке, с которой никому прыгать нельзя, кто-то стоял. Какой-то пацан. Пришлось сузить глаза, растянув веки пальцами, как она делала всегда, чтобы рассмотреть что-то без очков. И она рассмотрела. Мало того, что он забрался чёрте куда, так ещё и без купальной шапочки. Нечёсанные вихры торчали в разные стороны – хулиганские вихры беглого хулигана Вовки Скорого! Он там не просто стоял на этой верхотуре, он нагло разминался.

«Псих!», – страшно было смотреть на этого сумасшедшего, сердце заколотилось. Высота пятиэтажки!

По бассейну прокатился ропот: Вовчика засёк тренер.

Хотелось зажмуриться, но не смотреть было невозможно. «Хоть бы выгнали его оттуда!» Раздался резкий, как нож, свисток. Вова явно обрадовался, будто ждал его, шагнул сначала чуть назад, легонько разбежался, подпрыгнул, взметнув руки вверх, сложился вдвое, как перочинный ножик, и полетел кубарем вниз – перевернувшись в воздухе несколько раз, вонзился в воду.

“Охх!” Ане показалось, что это она сама вонзилась – так страшно это было и так... до дрожи восхитительно! Короткий танец в воздухе, и – бах! Рассёк гладь и стрелой вглубь. Слияние двух стихий – танца и воды! Спортсмен – так прыгнуть мог только спортсмен – вынырнул с наконец-то прилизанными вихрами, пулей выскочил из бассейна и бегом в раздевалку. За ним вдогонку помчались тренер, какие-то в белых халатах, на полусогнутых, боясь поскользнуться на мокром кафеле. Руками машут, гулко выкрикивают что-то.

Мальчишка с соседней дорожки, доплыв до конца бассейна, обернулся к Ане. Горделиво проронил: «Видала? Это наш чемпион – у него у одного был уже взрослый разряд. Да потом пацан исчез куда-то».

Исчезнуть бы ему и теперь. А то и правда – допрыгается. И что творит? Что доказывает? Спортсмен! Если бы он занимался только спортом. «Хоть бы он меня здесь не заметил». Положенный час подходил к концу, Аня тоже вылезла из воды и побежала одеваться.

Приключившееся в бассейне тут же растворилось в морозном, будто хрустящем воздухе. Хрустел, конечно, не воздух, а снег под ногами, недавно выпавший, не успевший примяться. Сегодня в него добавили то ли кварц, то ли слюду, чтобы он сверкал как сумасшедший. Сияние этого нового снежка казалось необъяснимым, неспроста, в ознаменование праздника. Какого? Ну, такого – самого в себе праздника. Или Нового года, который Аня пропустила по болезни.

Снежинки, по-детски задорные, соревновались между собой, кто ярче. Каждая из них, из этих шестигранных крошек, сияла своим цветом. Каждая была живой, таким живым было это сияние, будто чья-то улыбка. «Неужели, правда – ни одной одинаковой? Так это не снег никакой, а... буквы в небесном послании, шифр, который никто не пытается разгадать? Сколько же они напечатали! Больше, чем все писатели мира. Если б была такая работа – по расшифровке, я бы стала расшифровщиком».

Пока же понятно только одно – это не поддаётся пониманию. И это невозможно. Кому такое под силу – сотворить их все, миллиарды индивидуальностей, да ещё, чтобы сверкали? Чтобы чуть не до слёз. Никому. Кроме... Бога? Только он один и может то, что разумом не объять. Помощники у него в этом наверняка есть – так много работы. Может, ангелы, может, волонтеры-лаборанты. И вот ведь, всё это богатство – наше! Ни у кого на свете его столько нет, сколько у нас. Поэтому мы непобедимы вовеки. И Он... раз Он засыпает нас каждый год этими блистающими бриллиантами больше других, значит, Он любит нас?

Сказка какая-то, а не вечер.

Аня зачерпнула рукой в рукавчике горсть снежинок из сугроба, заглядывая им в лицо: «Как они это делают?» И вдруг... запах! Резанул со стороны и вмиг разбил кристалл чистоты. Резкий запах кошмарного курева.

...Он возник из тени под деревом, встал у неё на пути, с горячей папиросой в руке. Тот, кто нарушает, кто очертя голову бросается с запрещённых десяти метров, разрушает ради забавы... кристаллы, всё что угодно.

– Инки жили в Перу? – рот до ушей с крупными плотоядными зубами, сигарку щелчком в новорожденных, в свежий нарядный сугроб.

Взрыв возмущения, внутри, про себя, так бы и двинула по руке! Спалил их столько сразу. Никакой теперь уже не спортсмен – разгильдяй и шпана. Улыбочка насквозь самодовольная, ждал рукоплесканий за свой «подвиг»? Весь расстёгнутый, расхристанный, шарфа даже нет,

шапка на затылке, вихры как будто мокрые ещё. Чудо-юдо, только что вынырнувшее из вод, от которого, или кажется, или на самом деле, валит пар.

– Чему вас только учат. То в перу, то в пуху, но всяко пушисто.

Анин язык, как и её саму, надёжно приковало к месту.

– А хочешь, я подожду школу?

– Что-о?! – и заткнулась тут же, пожалев, не собиралась она с ним разговаривать вообще.

– А чё? Нет школы, нет проблемы, – и всё-то лыбится всеми наглыми зубами.

Аня не стала крутить у виска, как Танька. Ничего не стала. Лишь бы не заметил... волнения. «Только не это! Не как в тот раз, в школьном коридоре». Уставилась в свою рукавичку, как в шпаргалку. Творения господни невинно подмигивали ей. Всех не переспалишь.

– И тебя, что ли, запугали? Вроде одна тут была не такая, свежая. Они-то все уже успели подгнуть.

«Подгнуло что-то... Something is rotten in Denmark. Он что?! Не может быть!»

– Чё, звуку хана? Ай, да чё с вами подмороженными ловить! Рвану туда, где даже камни тёплые. И где цветёт магнолия. Знаешь магнолию? Ничё ты не знаешь, – он больше не улыбался. – Ладно, самая красивая девочка самой средней школы. Не плачь, писать не обещаю.

Почему «подгнуло»? Аня, забыв про подружек в рукавичке, воззрилась на хулигана из хулиганов, широко открыв глаза.

Но собеседник уже круто развернулся и шагнул всё под то же дерево. Обогнув его, бандитски свистнул. Немного поодаль нарисовались две другие тени и соединились с ним. Зажглись три огонька в темноте, и снова душераздирающе запахло папиросами – так взросло, как преступлением. Аня очнулась и чуть не бегом помчалась по скверу.

– Не бойсь, мы тебя проводим. А то вдруг хулиганы нападут, – послышалось вслед.

И ехидный негромкий смех издали уже.

Она и не боялась. Ей даже весело стало. «Дурак какой-то! Нашёл самую красивую, с таким носярой». Мелькающие заснеженные деревья стали казаться магнолиями, увенчанными огромными белыми цветами. Это она-то не знала магнолий? Папа работает на железной дороге, у него бесплатный билет, а для семьи в полцены. Они катались на юг каждый год, и там, среди всех прочих бесстыдно пышноцветущих, магнолия покорила своей царственностью. Только обида грызла, не увидишь такого в их краях.

Делать нечего, остаётся признать – умеет этот возмутитель и возмутить, и взбудоражить. Да, впрочем, кто не видел фильм «Гамлет»? Хулиганы тоже ходят в кино. Ничего он не читал, конечно.

«Да, но... «Прежде же рыцарю надо изобрести возможность заговорить...» Трудновоспитуемый умудрился проделать это, как по нотам! И даже больше – продемонстрировал героичество, пусть и никому не нужное, и отпустил любезность! Комплимент называется. Так вот из кого получают кургуазы, из бандитов, а не из отличников. И философы из них же?... Жизненный опыт, людей видят насквозь и не щадят. Меня ещё пощадил, не назвал в открытую – трусиха. Да что там, такая же, как все они – Что Скажут Другие? Родители такие приличные, а она... Да успокойтесь, не собираюсь я с ним...»

Если что я и собираюсь, то в другую школу. И всё. Во-от! А не он ли, этот позор и ужас самой средней школы, указал «подмороженной» идею побега? Тем своим бенефисом с пирамидой, всем своим отвязом и наплевательством? Дай ему шпагу в руки, пойдёт крошить вместе с правилами их сочинителей. Что за бред. Гамлет-то из благородной мести, а этот из-за чего? Хотя кто знает, что случилось с отцом школьного хулигана номер один? Эх! Катился бы он быстрее к своим магнолиям».

Пихта как религия

Хотелось баррикаду, мало было просто закрыться на задвижку. Спинай к двери, возвращаясь к ровному дыханию. Будто кто-то гнался за ней. А никто и не думал гнаться. И дома пустота да глухота – никогошеньки. На работе. Нарботе – можно и так. Такое существительное. Или имя собственное. Твою маму как зовут? – Нарботе. А папу? И папу – Нарботе. А как по другому? Мама редко когда приходит в восемь, чаще в десять – вечерники до девяти, пока доедет, институт далеко от дома. Папа, бывает, и того позже.

Супчик оставлен, и трёхдневный вполне съедобный, электричество есть, чтобы разогреть, что ещё человеку надо? Для красоты – ёлочка стоит до сих пор, на видном месте. Кто-то, оказывается, выбрасывает их прямо на следующий день – во, молодцы! Ради одного дня загубить дерево? Хотя и ради месяца – для него не лучше.

Что до новогодних ёлок, то в Аниной семье это было не просто так, это был культ. Их не покупали на каких-то там вшивеньких ёлочных базарах.

Работникам железной дороги, как папа, привозили из самой настоящей тайги в специально отведённых вагонах. Только это были не ёлки, а сибирские пихты – настоящие царицы среди хвойных. Иголочки изумрудного цвета, мягонькие, их можно жевать, а ветками можно водить по лицу. В семье верили только в пихту.

Забирали их прямо из вагона, и один раз папа взял Аню с собой. Железнодорожные пути для настоящего железнодорожника – роднее дома родного. Вагоны, колодки, стрелки – семья. Нырнуть под вагоны стоящих составов – да это игра такая, на реакцию и ловкость. Ещё и дочь обучил. «Ничего опасного в этом нет, если посмотреть в голову состава: горит там красный, смело лезь. Даже если состав вдруг двинется, успеешь выскочить – для этого подлезать надо ближе к передним колёсам». Это и забавляло, и будоражило – шутя пробегать невредимым сквозь многотонные грузовые составы. Получше, чем карабкаться на переходной мост, где вечно пронизывал ветер.

Дом, где они жили, стоял прямо у вокзала, перейдёшь через пути – считай дома. Жизнь на железной дороге. Привыкаешь. Гудки, стук колёс, переговоры диспетчеров – ничто из этого не мешало. Даже нравилось иногда – засыпая, слушать в ночной тишине набирающий разбег поезд. Такая музыка. Сначала чёткий ритм на ударных. Разгон – смешанный оркестр из струнных и духовых. Когда состав разгонится окончательно – шум дождя. Мощного тропического ливня.

Избранницу тогда уложили на санки, как ребёнка, и повезли домой. И не было среди прохожих ни одного такого, кто не смотрел бы с завистью на этот груз.

Потом она оживает в тепле жилища – бесподобным запахом, обещанием необыкновенного нового года. И как же после расстаться с ней? Вот тут-то и беда. Никто из семьи не хотел взваливать на себя преступление – предательство, отправление ёлки в никуда. Так и стоит обычно, чуть не до марта. Один раз попалась ёлочка хитрее остальных – дала корешки! Растёт во дворе с тех пор.

Пропаций Новый год, каникулы насмарку. Прощай и вечер в новой школе. Утренник в старой, и тот мимо. Одна радость была на них – танец. С детского сада бессменная Снежинка. Из года в год была одна сверхзадача: сшитый мамой костюм из марли переколдовать в настоящую балетную пачку. Но всё, чего можно было достичь, оставалось пропитанным крахмалом аптечной марлей. Но даже в таком подобии Аня чувствовала себя... балетной танцовщицей.

«Что ж, можно и дома станцевать. Только достать с антресолей костюмчик».

Маловат, конечно, хоть и расставлен не раз. На этот раз к нему добавлено нечто ещё. Из самого дальнего угла тумбочки одна тайная вещь – пуанты. Настоящие балетные пуанты.

Откуда? Из театра, вестимо. Помогла добрая билетёрша: как-то в антракте «Лебединого» при-тащила Ане на её просьбу уже отслужившие. Они, правда, выглядели совсем дохлыми: непонятного цвета, протёртые, с полуоторванными не лентами, а грязными верёвками. Но картонная подошва была невредимой. Руками не из того места Аня выходила дохлятину. С новыми лентами, почищенная, подлатанная, она стала вполне пуантами.

Первые шаги были мучительны. Под пластинку «Щелкунчик» боль отступала.

Музыка – царство загадки, и кто ей только дал всё это необъяснимое... Величие, великолепие, утешение и вдохновение. То есть, она сама даёт человеку, который окунается в неё – о, как в море – у них общее с морем! Когда танцуешь, её слышишь не ушами, а всем телом сразу, всеми клетками. И оно начинает жить по-другому, твоё тело. Улитка внутри загибается или тихо отправляется в глубокий обморок. Открываются закоулки и глубины, о которых ты и не знал, они заполняются музыкой, и ты становишься тем, какой ты есть на самом деле. Счастливым притом!

Море, хоть и огромно, но границы всё ж имеет. А музыка – нет! Нет у неё границ совсем, и язык – один для всех. Китаец играет Чайковского не хуже русского, русский может сыграть «весь мир». Вавилонскую башню строили сначала под музыку, а потом перешли на разговоры... И танцевать можно под любую музыку – хоть народную, хоть симфоническую. Музыка и есть главный хореограф.

Родительские танго и фокстроты валялись на полу. Служительница Терпсихоры пластом на диване, забросив ноги на его спинку. «Жаль, не станцевали с Гамлетом. Это искусство – полёт, самоотверженность, любовь и боль».

...На высокой скале, волосы свободно развеваются на ветру, руки взмываются вверх, короткий шажок и... полёт. Скольжение вглубь, в чуть прохладную таинственно-тёмную воду. Звуки музыки всё ещё слышатся, еле угадываемые, приглушённые глубиной, убаюкивают...

Мать нашла спящую Снежинку в чём-то пугающем на ногах. Обеспокоенная, потрясла её за плечо, вроде бы дочь открыла глаза. Но снова закрыла их.

– Ты уроки сделала?

Аня пробормотала что-то... Мама разобрала только слово «весной». Недовольная, она стащила с её ног непонятную обувь, принесла одеяло и укрыла им спящую.

Прогулки по ленте Мёбиуса

Утро было не сказать чтобы добрым. На неразложенном диване, он слегка кособочил, лежать – калечиться. На полу веером пластинки без пакетов, там же пуанты, как два заморённых сурка. Чулки приклеились к пальцам ног – они были сбиты на выступающих суставах и кровили.

Хуже того – утром состоялся разговор. Мамы с дочерью. Папа, счастливый, уже сбежал на работу. Аня, сидя всё на том же диване, сосредоточенно пыталась отодрать довольно толстый хэбэшный чулок от пальцев ступни.

Вошла мама – грозовой тучей, из которой вот-вот полыхнёт. Волосы не накручены, брови сдвинуты в наконечник копья. Голос и тон – барабаны войны. Она и не зашла даже, а переступила через порог и остановилась в дверях, уперев руки в бока, в одной скрученный в трубку журнал. Так и застыла, не проходя, будто брезгуя комнатой, где находится дочь.

– Что ты тут ещё устраиваешь? Соседи снизу звонили, возмущались – музыка гремела, топот. Кто у тебя тут был?

То ли Аня не совсем проснулась, чтобы безо всяких ответить на напор, то ли подвёл рефлекс – молчи, когда мама говорит. Голос не включался.

– Отмолчаться хочешь? – наступала мама.

– Никого тут не было... Музыка играла, да, – еле слышно произнесла дочь.

– Да чего ради? Чего это она вдруг играла ни с того ни с сего? Как за пианино сесть, так тебя не допросишься. Ты уроки сделала? – голос мамы всё накалялся. – И открывай рот пошире, не мямли!

– Там особо делать нечего было. По английскому позавчера ещё сделала...

– Да что мне твой английский! Других что, нет предметов? Алгебры, геометрии?

– Так не задано было, нету их сегодня.

– Где дневник? – маме пришлось подойти к дочери.

Бросив чулок, Аня полезла в портфель.

– Что за обложка?! – дневник маме не понравился.

– Из «Огонька» гора Фудзи.

– Я знаю, что это Фудзи. Чего ради она здесь?

– Красивая.

Чулок никак не отклеивался. Мама недовольно опустила на диван, полистала дневник, без слов вернула его Ане.

– Ну, так что за дикие пляски?

– Да какие дикие? – Аня подняла на маму глаза и проснулась наконец. – Я под «Щелкунчика»... Что плохого в танцах? Вы почему-то танцевали раньше, когда гости приходили, – сказала она уже вполне внятно.

– Вот именно, когда гости приходили, когда был праздник какой-нибудь.

– У меня тоже был праздник... – Аня запнулась.

– Какой это, интересно?

– У меня... я Новый год отмечала.

Мама помолчала, но, видно, отгаивать и не думала.

– И что, обязательно, чтобы соседи звонили? И откуда только у тебя эти кошмарные... тапки?

– Тапки? Это пуанты! Ты что, пуанты не знаешь? Мне... балерина их дала, настоящая.

– Ну, наверно, не дома надо в них танцевать, раз они так стучат? Да перестань ты теревить этот чулок!

– А где?! Где мне танцевать? Я просила, чтобы меня отдали в балет, – глаза вмиг наполнились слезами.

– Вот оно что! На музыку у тебя сил нет – сидеть за фортепьяно и нажимать на клавиши у тебя сил нет, а скакать и прыгать, как табун лошадей, значит, есть?

– Значит, есть! Потому что я люблю это! Не скакать и прыгать, а танцевать. А когда сажусь за пианино, у меня сразу начинает колоть в шее и в плечах, – Аня рукавом утёрла нос и глаза.

– Что ты городишь! Только сейчас додумалась до такого?

– Я не придумываю. Это могло быть после того... Почему-то вспомнила только сейчас. А это было ещё до школы...

– Интересно, что ещё сочинишь?

– Сочиню? Ладно. Не было ничего.

– Нет уж, сказала «а»... Продолжай.

– Когда мы ещё жили возле нефтекомбината, там рядом какая-то стройка была... гора песка. И мы прыгали в эту гору с недостроенного этажа. Один раз я спрыгнула, и мне сверху ударило что-то вот сюда. В верх спины, в шею почти. Это был лом. Чугунный такой лом.

– О господи! И говоришь только сейчас?

«Вот сейчас мама бросится ко мне, прижмёт к груди...»

– И ты хочешь, чтобы тебе ещё верили? Молчала, молчала десять лет, надумала!

– Да я же забыла, сразу же забыла про это. Больно было, только когда ударило. А потом перестало, и я побежала дальше... Я же маленькая была.

Мама поднялась. Горько поджала губы, как делала бабушка, её мама.

– У всех наших знакомых, кого знаю, дети играют на пианино по два часа в день, никто их не заставляет. Потому что трудолюбивые и ответственные. А тебе лишь бы оправдания своей лени придумать. Тебе не стыдно? Ты хотя бы знаешь, сколько денег истрачено на твоё обучение? Мы с отцом в чём-то себе отказывали. А моих нервов сколько? И всё зря! Вы меня в гроб вгоните...

Горечь в голосе, глаза покраснели. Мама прикрыла их ладонью и, горестно согнувшись, вышла из комнаты.

«Нет, ну...» Аня опустила руки. А потом рывком дёрнула за чулок и отодрала его вместе с запёкшейся уже коростой. Ссадина закрывила вновь.

«Я для неё вот такая вот ссадина. Незаживающая. И зачем? Я не просила. Зачем всё это надо было... тратить?»

Мама вернулась. Вытирая нос, она...ступила на ленту Мёбиуса и привычно пошла по ней. Никто её не ценит. Работает на двух-трёх работах, того, что отец зарабатывает, не хватает, дом на ней, воспитание на ней, научная работа пущена под откос – из-за вас (Ани и папы). Всё посвятила семье. И никто, никто этого не ценит.

Против Мёбиуса лекарств нет. Подойти к ней, обнять Аня не могла – ей было давно запрещено. Что-то возражать – бесполезно.

– ...вечно у тебя всё разбросано, хоть бы пластинки свои собрала! И это я должна?

Аня, безуспешно пытавшаяся найти зелёнку, принялась собирать пластинки. Из ранки капала на пол кровь. Обвинительная речь продолжалась. Анин слух перешёл в мини режим – слов не разобрать, только шум. Сама она становилась глубоководной кистепёрой рыбой с самой непроницаемой чешуёй. Все думали, что она вымерла, эта рыба, оказалось – нет. До сих пор есть экземпляры.

– Мне зелёнка нужна или йод, – решительно объявила Аня и пошла вон из комнаты.

Мама, сгорбившись, без уюта, снова присела на диван. Не замечая, что в комнате уже никого нет, кроме неё, продолжала свою речь. Она текла ровно, без каких-либо отчаянных всплесков, полная горечи и безысходности.

Wanted! Бесплатно

В вестибюле возле доски объявлений стояла толпа. Протолкнувшись вперёд, Аня увидела прикреплённый кнопками листок со знакомой вихрастой рожей. Почти как в американском кино: Wanted! – Разыскивается! Это шутка? Или шарж? Суммы вознаграждения за голову тут не было, был телефон, по которому надо звонить при встрече с опасным преступником. С кем?!

Толпа жужжала. Разыскиваемый должен ответить за свои преступления против мальчишки из 8 «Б» – его родители накатали страшную телегу в милицию, всё очень серьёзно. «А что он сделал-то?» – «Нападал, запугивал, отобрал у восьмиклассника портфель...»

– Хе-хе. Скорого уже не догнать.

Аня обернулась: одноклассник Сергей с самым глубокомысленным видом. Разозлённая, она выскочила из толкучки. «Пробурчал это над моим ухом – специально, чтобы я слышала. Спрашивается, зачем?!»

К доске же стягивалось всё больше народу, лица у всех были возбуждённые, радостные даже. Хоть какое-то событие в повседневной школьной скучище.

«Вот даже нет его, а умудряется будоражить. Кому-то же надо это делать. А остальные только и могут, что жужжать. А кое-кто ещё строит из себя. Билет он ему покупал!»

Аня тащила в класс, прихрамывая.

– Ты чего? – Таня догнала её уже у дверей.

– Да ничего. Ногу стёрла.

– Смотри у меня. Кто-то обещал больше не болеть. Нет, ты видела?

– Видела. И слышала. Как тебе – «отобрал у него портфель»?

– Да вообще, кошмар! Я же тебе рассказывала, как было! Нет, я пойду в милицию, чё это за ерунда, вообще.

– Кто тебя послушает? Кстати, пострадавшего что-то давно не видно. Заболел, что ли, с расстройства?

– Да нет его уже. Родители перевели его в другую школу.

– Ой, в какую? Не в десятую ли?

– Не-е. Туда же только с сентября берут.

Подруги вошли в класс. Скоро звонок, а почти никого ещё нет. Так все и толпятся у доски объявлений?

– Вот такие пирожочки с кулебячками, – философски заметила Танька.

Аня философски помалкивала. Искала в портфеле географию. «С этими Гамлетами... То два, то ни одного. Как корова языком. Кто же из них больше принц датский? Уж никак не Саша. Да и не второй тоже. Никто. Чисто призраки. Нету их в природе, никаких таких принцев. Запомнить уже раз и навсегда».

– Да, раз он таковский, то и в другой школе опозорится, как пить дать. А на вид – весь такой важный, начищенный, аж скрипит. Что-то вообще, хлопцы у нас какие-то...

Таня вроде даже загрузила, с понурым видом вытащила свой учебник.

– Какие? Малахольные?

Танька рассмеялась.

– Да хуже. Абыякие, вконец ниякие, – хлоп учебником по парте.

– Нет. Малоприятные. Или малопонятные? – Аня тоже повеселела: хлоп по парте своим учебником.

– Вообще, малоподвижные, недогоняжные...

Девочки хохотали и по очереди колотили по парте географиями. Класс тем временем быстро наполнялся, и их смех сам собой затих. Таня вдруг и вовсе замерла.

– Ой, я ведь справку взяла! Тебе когда на плаванье? Сегодня ведь? Идём вместе!

– Наконец-то. Не представляешь, как там здорово.

– Ещё, наверно, придут...

Прозвенел звонок, заглушив Танькины слова.

– Кто придёт, куда? – спросила Аня.

– Я когда в поликлинике была, встретила там Зинку с девчонками. Ну, они тоже вдруг все жуть как захотели в бассейн, побежали, тут же справки взяли. Давно собирались, говорят.

Аня медленно положила учебник на край стола. Отвернулась от подруги. Урок начался. «Ну почему, если смех – это какие-то секунды, а печаль и слёзы могут длиться... жуть. Веками». Тут же всплыла утренняя размолвка с мамой.

Географичка что-то рассказывала, кого-то вызывала к доске. «И как же быть... Кто подпишет заявление в школу? К маме даже подходить с этим... бессмысленно. Ещё больше разозлится». Все открыли учебники. Аня продолжала сидеть, глядя в одну точку. Танька слегка толкнула её в бок.

– Ты чего? Всё гарнейш?

«Ещё как! Только... Кого ж глазам моим искать на переменах? Чей лик мне утолит осиротевший взор?» (Не Шекспир)

Ане захотелось вновь, чтобы никто её не видел, забраться не на заднюю парту, а на Северный или ещё какой-нибудь полюс, и там выплакать всё: свою ненужность, свою слабость и неспособность быть понятой. В этой школе не оставалось совсем ничего. Никого. «Всеми правдами и неправдами я буду в ней. Я ХОЧУ! Учиться в той школе! Она одна такая на свете».

Ум, честь и совесть. Их игры

А пока... Они пришли. В тот же день. Припёрлись, заявили, притащились, ввалились, нагрянули, затесались, вломились – в её, в Анин, бассейн. Все три неразлучных: не Вера – Надежда – Любовь, а Максимовна – Томка – Ритка. При том что Танька, зараза, так и не пришла. И сразу от бассейна ничего не осталось.

Раздевалка, душ – всё открытое в бассейне. Ладно ещё, когда незнакомые девчонки. Все раздеваются, и Аня раздевается. Вообще, не привыкла она, да и не любила мыться на всеобщем обозрении. И смотреть, как другие моются, уж тоже. Как-то раз пришлось идти в городскую баню, воды горячей долго не было. Лучше уж ходить немойтой. В этом месте происходит убийство эстетики. Ты бессилён перед законом: чем бесформеннее и безобразнее фактура, с тем большим удовольствием выставляют её напоказ.

«Вообще, непонятно, как люди обнажают своё тело. Делают его голым. Тем, кто лето и зиму ходят чуть ли ни в купальниках, конечно, легче. А тут... ты всё время как капуста в нескольких слоях тряпья, и вдруг ничего. Да просто в одежде намного спокойнее. Раз на тебе что-то надето, значит, ты существуешь. А без ремков – как будто совсем ничего, пустота. Из-за дурацкой этой тоньщины – будто выпилена из фанеры лобзиком. Ненстоящая».

Тем более при У. Ч. С. Им бы только пялиться, а потом ещё и обсуждать. Совсем не хотелось, чтобы кто-то обсуждал её груди в состоянии зародышей, особенно, чтобы эти... в лифчиках уже. Аня и предположить не могла, что они все уже такие... тётки. Нет, они всегда выглядели старше неё и относились соответственно – насмешливо-снисходительно. «Как же теперь Иван Царевич без красных сапожек? Взяла, разула парня».

А уж тут, где учителей нет, они дорвались. Тихо-спокойно разделлись – каждая возле своего шкафчика? Ну да. Нагишом носились по всей раздевалке, так, что всё у них подпрыгивало, вот им-то это нравилось до опупения – быть голыми и визжать. Носились не просто, везде совали свой нос, под видом того, что первый раз они здесь. Чтобы потом шуточками тупыми обмениваться, ржать, хихикать, как стая обезьян.

Аня первой поспешила в душ, но и там были слышны гигиканья и разговоры. Разговорчики, лучше сказать. На тему мальчиков, их одноклассников. Такие разговорчики, что Аня поначалу-то и въехать не могла – что почём. Обсуждались их достоинства, не как учеников или там, товарищей, а те достоинства, которых нет у девочек. И хоть было это в форме предположений, но определённо, со знанием дела.

«Пока морально неустойчивые ходят на свидания с литературными героями...»

– Да чё там гадать, надо взять да и поднырнуть под него, – уже в душевых голос Максимовны. – Стянуть с него плавки, чё гадать-то?

Актив ржёт захлёб.

– Я не умею нырять. Ты и поднырни, – от смеха еле выговорила Тамара.

В классе Тамара – серьёзный, рассудительный товарищ, как положено истинному комс-оргу. И горделивый. Гордилась она своей должностью или ещё чем-то, но кое-кто из неблагонадёжных её даже побаивался.

Ясно, что кто-то из мальчишек тоже здесь. Такое перевозбуждение!

Так и есть. Войдя в бассейн, Аня увидела Серого и ещё одного, Костика, его приятеля. Вряд ли второй мог претендовать на интерес к своей особе – если у Серого был хотя бы рост, да и мускулатура, как выяснилось, то этот, второй, был совсем «नियाкий». Так значит, Серый – звезда номер один 8-го «В»? И объект охоты сразу аж трёх амазонок. «Вот такие пирожочки с кулебячками!»

Зайдя в воду, Аня сразу успокоилась, стараясь плыть не по одной дорожке с одноклассницами. И здесь их разбирал смех. С чего? Ржали, ещё и повизгивая, как три поросёнка.

– А это с той вышки прыгал Скорин? – громко выкрикнула вдруг Томка. – С тренером подрался. Ань, ты ведь видела?

Ане тут же попала в нос вода, что она ненавидела, будто крупный песок в носу и глотке, стала отплёвываться и откашливаться.

– Я не видела, – выдавила она.

– Ты ведь всё про него знаешь.

«Что?! Может, вам ещё в письменном виде?.. Чтобы передать по цепочке? Лучше бы уж он тут плавал, а не этот... актив».

– Ни с кем он не дрался, – проплывая мимо, пробухтел Сергей.

Аня чуть не рассмеялась и опять зачерпнула воды – теперь ртом. «Эх, Серый ты Серый! Какой же ты, и правда, серый! Строишь из себя всезнайку. Ведать не ведешь, какие опасности подстерегают тебя под водой. Берегись! Русалочьих амазонок из 8-го «В».

Рукоделие вопреки

Как жить? Когда у всех он уже есть, а у тебя нет. И раньше Аня пробовала подступиться к этому неразрешимому вопросу – где взять лифчик? Лифчик для почти что ничего. Таких не существовало в природе, она уж знала. И даже выкроек таких никто не потрудился нарисовать, перерыла все журналы. Самый маленький размер №1 – до него Ане, как до горы Фудзи. Кому жаловаться? Брать в руки ножницы и иголку с нитками, и всё.

Бабушкин сундук, хоть и не пиратский, но полон сокровищ: почти музейные тряпицы, тесьмы, кружева. Аня выбрала плотный сатин бледно-розового цвета с набивным рисунком. На домоводстве они проходили шитьё – ночные рубашки, блузки – получались на четвёрку, вопреки маминому диагнозу. Но тут не рубашка...

Тут даже не мастерство, а настоящее колдовство нужно. В примерке чашечки оказались гигантскими. «Как же их выращивают? God! Почему у нормальных уже по второму размеру?» Подгонять и подгонять.

Звонок. Танька. Свой неприход свалила на самое оригинальное, что можно придумать – то же, почему пропускается физра. Аня не стала благодарить подругу за ту компанию, что она подобрала вместо себя. Некогда было балакать, лифчику нужны бретельки, застёжки...

В разгаре волнующего действия белошвейку застучала соседка. Вручив Ане тарелку с кружочками макового рулета, она сходу, даже ни о чём не спрашивая, влилась в творческий процесс.

– Голуба моя, только сейчас вспомнила! Я ведь точно, как и ты, сама шила себе первый лифчик. У нас-то тогда совсем ничего не было. И машинки-то не было – на руках шили, представь себе.

Соседка уселась на диван, не выпуская из рук Анино произведение.

– Вам, наверно, всё же было легче, – осторожно проговорила Аня.

– Это почему же?

– Ну... у вас ведь грудь была.

Нина Алексеевна рассмеялась, прижав Аню к себе одной рукой.

– До семнадцати лет доска доской, хочешь верь, хочешь нет. Доходяга. Откуда там жиреть-то? Война была, голод. Да, милые мои, хорошо, не знали вы того.

– До семнадцати? – с сомнением спросила Аня, глядя на бюст Нины Алексеевны – наиболее выдающуюся часть её фигуры.

– Представь себе! Да и замуж-то выходила... О! Так я и лифчик-то шила как раз перед тем. Чтобы уж не опозориться без него. Подожди-ка, подожди-ка... – Нина Алексеевна при- встала с дивана. – У меня ведь он где-то лежит... Всё думала, будет у меня дочура...

Лифчик из фамильных закровов добрейшей соседки оказался немного больше Аниного и наряднее – из белого атласа.

– Примеришь?

Деваться некуда.

– Ну, смотри. Принцесса! Ну чуть-чуть... На будущий год будет тютелька в тютельку. Да знаешь, как мы делали – в чашечки снизу можно поплотнее ткань подложить.

– Ой, нет. Так я не хочу.

– Ну и не надо. Но он – прямо для тебя. Лежал, лежал – долежал.

Налюбовавшись, довольная Нина Алексеевна побежала кормить своих мужчин.

Не имей сто рублей, а имей одну, но хорошую соседку. Вот почему мама... у неё не учится? Мама, конечно, знает намного, в сто раз больше неё: и по физике, и по истории, по философии, литературе, искусству.

А не знает она... да просто не знает, как жить. В своей собственной семье. Как сделать жизнь людей под одной крышей радостной, приятной. И ведь, не поспоришь, человек честно трудится на благо ближних – стирает, убирает, на праздники печёт вкусное, шьёт, клеит обои, когда ремонт. А папа не хочет возвращаться домой раньше десяти. А я привыкла возвращаться домой без сожаления, когда знаю, что там нет НИКОГО.

Не может быть, чтобы мама не задумывалась об этом. Чуть что, так и заклеит себя сама же: «Учёная дура!» – понимает, что жить-то она не умеет. Может, ей и правда не надо было заморачиваться с семьёй, раз она так жаждет заниматься наукой? Идеал – когда мать семейства нигде не работает, кроме своего семейства? Да, и чтобы научиться жить, наконец, надо забыть, что окончила институт и перестать читать все эти книги и журналы?»

«Ох мама, мама! Где ты? Когда с тобой разговаривать, если тебя всё время нет». Откладывать дальше некуда. Всё упирается в заявление. Мама сердита на дочь, папа без мамы ни за что не станет ничего подписывать.

Остаётся... Танька. Ничего смешного. «Та было бы об чём переживать, давай я подпишу тебе то заявление. Та хоть два. У меня почерк такой – хоть что может подписать».

Утро вечера мудренее. Любимая поговорка любимой бабушки.

Подпольная англомания

Ещё перед первым уроком Максимовна безразличным тоном объявила: «Английского сегодня не будет». «Ура!» – со всех сторон от разных идиотов, Аня чуть не треснула общей тетрадкой по башке первого попавшего под руку – Костика, жаль, увернулся.

– Как не будет? Почему не будет? – пришлось кричать Ане, такой стоял ор. И уже появилось предчувствие. Этот равнодушный тон начальницы...

Староста дважды игриво пожала плечами, бросив насмешливый взгляд в Анину сторону. «Что же это? Зоя Яковлевна за три года ни разу не уходила на больничный».

– А когда он будет? – упавшим голосом спросила Аня, скорее всего саму себя.

Но староста опять дважды пожала плечами, теперь уже не скрывая ехидной улыбочки. То, что английский шёл у Ани лучше других, не доставляло удовольствия ни активу, ни кому-то другому из класса.

Маленькая радость от того, что впервые в жизни на ней был её самопальный лифчик, померкла. От Таньки, однако, не скрылись изменения в Аниной фигуре. Пришлось сознаться.

– Ты теперь прямо, как артистка одна, не помню фамилию, – порадовалась за подругу Таня.

– Да ладно. Вот что теперь с английским?

Что сделали с английским, огласила на большой перемене классная.

– Тише, тише, ребятки...

Что за!.. Искусственный пергамент на лице вроде отливал живой краской!

– У нас произошли изменения в преподавательском составе. Английский язык у вас теперь будет вести другой учитель, опытный, высокой квалификации. Со следующего урока.

Глаза слеповидящей не были закрыты, они поблёскивали алчной сытой дрянью, как у kota, сожравшего мышь, на щеках наблюдался румянец!

– А что с Зоей Яковлевной? – услышала Аня рядом с собой.

«Спасибо, Таня!»

– А... с ней всё хорошо. Подала заявление в связи... по семейным обстоятельствам.

Ах ты!.. Жердина ты бесчувственная. «В связи...» Если бы с ней всё было хорошо, она не ушла бы вот так – не сказав ни слова. Теперь, правда, Аня стала припоминать, что на последнем занятии Зоя Яковлевна выглядела не столь лучшей, как обычно. Ане же она посоветовала обратить побольше внимания на аудирование – восприятие речи на слух, и ещё раз довольно настойчиво напомнила про другую школу.

Одно к одному. Удивительно, что она ещё проработала здесь целых три года, так она отличалась от всего прочего «состава». У неё были слишком яркие туфельки на слишком высокой шпильке при умеренно длинной юбке – для этого школьного застенка. И слишком открытая искренняя улыбка. И не обошлось тут без «отличника» образования с её вековым железобетонным авторитетом.

Но так не должно быть – не поблагодарить учительницу, единственную, кто вдохновлял изучать предмет, который она преподавала.

После уроков Аня не пошла сразу домой. «В учительскую? В эту акулю заводь? Нет. Там ещё и "наша" может оказаться». Аня постучалась в приёмную директора. Секретарша сидела на месте. Но ничем не порадовала: документы Зоя Яковлевна забрала, в школе больше не появится.

– А тогда как же... Мне надо вернуть ей книгу. Можете дать мне её телефон?

– Ты уже должна знать, никаких телефонов мы не даём. Не положено. А как твоё имя?

Секретарша полезла в тумбу своего стола, не слишком охотно порылась там и вытащила наконец большой квадратный конверт размером с пластиночный.

– Вот, она оставила для Маниной.

В коридоре Аня нетерпеливо разодрала обёртку. Там и оказалась пластинка – с упражнениями по аудированию, иностранная. А ещё небольшая книжка «English Idioms» и записка в изящном отдельном конвертике.

«Жаль, что так получилось, не удалось проститься с вами, моими хорошими учениками. Передаю эту пластинку, она будет полезной при подготовке к поступлению в специальную школу. Не сомневаюсь, оно будет успешным, если, идя к своей цели, будешь слушать только себя».

Даже если бы Аня не хотела уйти из этой школы, она выталкивала её из себя сама. Вышибала из рядов, как не вписавшегося. Завтра же надо нести документы!

Мама и английский – нашла коса на камень. Иностранный язык по её шкале ценностей вообще никакая не ценность. А даже наоборот. И это так странно, потому что сама мама, видимо, не отдаёт себе отчёта в том, что давным-давно пропиталась всем английским и стала... законченной англomanкой. Любимые писатели: Диккенс, Свифт, Голсуорси, Моэм, Киплинг, да все-все-все английские писатели из большого шкафа. Разве что Томас Мор с его «Утопией» к ним не относился. Самые любимые актёры Вивьен Ли и Лоуренс Оливье, художники – тот же Гейнсборо, Констебль... Она вообще без ума от всего английского. От их королевы, устройства жизни, домов, садов – по книжкам и картинам.

Что же английский язык ей сделал плохого? Персонально ей, может, и ничего...

Когда она была студенткой, их преподавателя иностранного – знатока и немецкого, и английского – забрали. Потом по институту прошла молва, что он шпион. Чем закончилась его карьера, все понимали. И если бы только карьера. Да и случаев таких было, когда языкознание – приговор... То, что времена изменились, похоже, не вызывает у мамы никакой эйфории. Ничего, кроме скепсиса. И всё это прикрывается вот этим: тебе надо получить серьёзную специальность. Хоть тресни. Насколько серьёзную? Сама-то она хоть знает? И врачей ведь забирали, и инженеров, и учёных...

Ой, мама! Забирали даже тех, кто сам забирал!

Легко – если знаешь и любишь

Коротать зиму в Сибири – это вам не на Мартинике зимовать. За окно помотришь – там не пальмы, только одно – белое или грязно-белое. Полгода? Бери больше. В октябре – первый снег, в апреле, дай бог, растает. А то и на 1-е мая, и на 9-е, возьмёт да и выпадет. Весь учебный год. Утром в школу тащиться по темноте, от неё ещё больше холод, вечером по темноте домой. Бес-печно тут не проживёшь. И одних печей мало. С утра до вечера нужно кутать себя и кутать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.